

От автора абсолютного
супербестселлера «ДО ВСТРЕЧИ С ТОБОЙ»,
переведенного более чем на 30 языков!

Серебристая бухта

ДЖОДЖО МОЙЕС

Лирический роман
о любви потерянной и обретенной.

Choice

ИЛ

Annotation

Лиза Маккалин мечтает убежать от своего прошлого. Ей кажется, что пустынные пляжи и дружелюбные люди из тихого городка в Австралии помогут ей обрести душевный покой.

Единственное, что не смогла предусмотреть Лиза, – это появление в городке Майка Дормера. У него прекрасные манеры, он одет по последней моде, а его взгляд повергает в смущение.

У Майка далеко идущие планы: он хочет превратить тихий городок в сверкающий огнями модный курорт.

Единственное, что не смог предусмотреть Майк, – это что у него на пути встанет Лиза Маккалин. И конечно, он не мог даже помыслить, что в его сердце вспыхнет любовь...

Впервые на русском языке!

Джоджо Мойес

Серебристая бухта

* * *

*Посвящается Локи —
тому, какой он сейчас и каким будет*

Пролог

Кэтлин

Меня зовут Кэтлин Виттер Мостин. Когда мне было семнадцать, я прославилась – поймала самую большую акулу из всех, когда-либо виденных в Новом Южном Уэльсе. Это была серая акула-нянька с такими злобными глазами, что даже через пару дней после того, как мы вытащили ее на сушу, в них не исчезло желание разорвать меня на куски. Слава пришла ко мне в те времена, когда вся жизнь в Сильвер-Бей^[1] была посвящена рыбной ловле. В честь этого события аж из самого Ньюкасла приехал газетный репортер и сделал фотографию: я с акулой (я – та, что в купальнике). На фотографии акула выше меня на несколько футов, и это притом, что фотограф заставил меня надеть каблуки.

На снимке вы можете видеть высокую девушку, суровую на вид; она симпатичнее, чем думает: конечно, плечи достаточно широки, чтобы вызвать отчаяние у мамы, но талия отделана настолько тонко поворотами-разворотами при закидывании удочки, что девушке никогда не понадобится корсет. В общем, вот она я – стою рядом с акулой и не могу скрыть своей гордости и еще не сознаю, что буду привязана к этой твари до конца своих дней, как будто нас сочетали браком. А вот чего вы не можете видеть, так это то, что акулу подвесили на двух проволоках и поддерживают в вертикальном положении мой отец и его бизнес-партнер мистер Brent Ньюхейвен. Я, пока тащила ее к берегу, растянула сухожилие на правом плече, и, когда приехал фотограф, не то что акулу, чашку чая не могла в руке держать.

Однако эта история на долгие годы оставила свой след. Даже после того, как мое девичество кануло в Лету, меня продолжали звать Девочка Акула. Добрая сестричка Нора постоянно шутила, что, судя по моему виду на фотографии, меня скорее можно было бы прозвать Девочка Морской Еж. Зато отец всегда говорил, что мой успех создал отель «Сильвер-Бей». Спустя два дня после того, как в газете была опубликована фотография, все номера у нас были заказаны, и с тех пор никогда не оставалось ни одного свободного, пока в тысяча девятьсот шестьдесят втором году не сгорело дотла западное крыло. Мужчины приезжали, потому что хотели побить мой рекорд: если уж девчонка способна вытащить на берег такую тварь, то почему это не сможет сделать «настоящий» рыбак? Некоторые – чтобы предложить мне выйти за них замуж... Но папа всегда говорил, что чувствует их еще до того, как они появятся в Порт-Стивенсе, и сразу давал им от ворот поворот. Женщины приезжали, потому что до этого случая никогда не думали о возможности выловить большую рыбу или о том, чтобы соревноваться с мужчинами в этом деле. А семьями приезжали просто потому, что залив Сильвер с его спокойными водами и бесконечными дюнами был местом, куда стоит приехать.

Для того чтобы справиться с возросшим количеством прибывающих лодок, срочно были построены еще две пристани. Днем воздух в заливе наполняли скрип весел в уключинах и рычание подвесных моторов, а море вокруг тем временем буквально на глазах лишалось всякой жизни. По ночам воздух заполнял шум автомобилей, негромкие всплески музыки и перезвон бокалов. Это были пятидесятые, тогда не казалось странным сказать, что наш отель – это место, куда стоит приехать.

У нас и сейчас есть лодки и пристани, хотя мы пользуемся только одной, а вот рыбная ловля людей больше не интересует. Я сама уже лет двадцать не брала удочку в руки. У меня

пропала всякая охота убивать живых существ. Теперь у нас тихо, даже летом. Большинство туристических маршрутов ведет в Кофс-Харбор и Бирон-Бей, с их клубами и многоэтажными отелями, где гостям могут предложить более привычные удовольствия. Сказать по правде, нас это вполне устраивает.

У меня сохранилась эта заметка. Она была напечатана в ежегодном дайджесте, которые выходят огромными тиражами и которые не покупает никто из ваших знакомых. Издатели время от времени оказывают мне честь и звонят, сообщая о том, что мое имя будет упомянуто в следующем ежегоднике. Бывает, местные школьники заскакивают к нам, чтобы сказать, что нашли мое имя в библиотеке. Я всегда изображаю удивление: детям это нравится.

Но я все еще храню ту заметку. Я рассказываю это вам не из желания похвастать и не потому, что в семьдесят шесть лет приятно сознавать, что однажды ты сделала что-то, о чем написали в газете. Нет. Но когда с твоей жизнью связано столько секретов, сколько с моей, иногда приятно рассказать о чем-то открыто.

Когда вы на «Моби Ё» и решили по запысье засунуть руку в банку с печеньем, можете не сомневаться – вы найдете как минимум три штучки разного сорта. Йоши говорила, что на других лодках всегда пытаются сэкономить на печенье и покупают в супермаркетах самое дешевое из муки арроурута. Но она сама считала, что, если человек платит около ста пятидесяти долларов за то, чтобы посмотреть на дельфинов, он может рассчитывать на то, что ему предложат хорошее печенье. Поэтому Йоши покупала сливочное «Анзак», толстое овсяное в шоколаде, «Скотч Фингерс» и «Минт Слайсес» в фольге, а если ей втемяшивалось в голову, то и печенье домашнего приготовления. Ланс, капитан, говорил, что Йоши так делает, потому что сама только печеньем и питается. А еще он любил повторять, что, если бы босс узнал, что Йоши тратит столько на печенье, он бы взбил ее, как коктейль «Гарибальди». «Моби Ё» направлялся в залив Сильвер, Йоши предлагала пассажирам чай и кофе, а я несла поднос с печеньями и не могла оторвать от них глаз. Я надеялась, что пассажиры не съедят все «анзаки» и мне достанется хотя бы одна штучка. Из дома я ускользнула до завтрака и понимала, что Йоши позволит мне залезть в банку, только когда мы вернемся в кокпит.

Ланс был на связи.

– «Моби-один» вызывает «Сьюзен», ты сколько пива высосал вчера вечером? У тебя ход как у одноногого пьянчуги.

Как только мы вошли, я сразу залезла в банку с «анзаками» и выудила оттуда последнюю печенинку. Радио затрещало, ответ был неразборчивым, и Ланс предпринял еще одну попытку:

– «Моби-один» вызывает «Милую Сьюзен». Слушай, приятель, ты бы лучше выровнялся... У тебя на носу четыре пассажира перегнулись через поручни. Когда ты сворачиваешь, они, как занавески, болтаются на окнах по правому борту.

Голос Ланса Макгрегора был хриплым, как будто ему горло железной мочалкой натерли. Он отпустил штурвал, и Йоши передала ему кружку с кофе. Я пряталась за спиной Йоши. Капельки воды на ее темно-синей униформе сверкали как блески.

– Ты видела Грэга? – спросил Ланс.

Она кивнула:

– Хорошо рассмотрела перед отплытием.

– Он так накачался, что курс держать не в состоянии, – сказал Ланс и показал через забрызганное окно в сторону небольшой яхты. – Точно тебе говорю, Йоши, его пассажиры потребуют компенсации. Вон тот в зеленой кепке не поднимал голову с тех пор, как мы прошли Брейк-Ноус. Что на него нашло?

У Йоши Такомура были самые красивые волосы, я таких ни у кого не видела. Они как черные тучи окружали ее лицо и никогда не путались даже из-за ветра и соленой воды. Я зажала между пальцами прядь своих волос. Этот мышиный хвостик на ощупь уже был грязным, хотя мы вышли в море всего полчаса назад. Моя подружка Лара сказала мне, что в четырнадцать лет, то есть через четыре года, мама разрешит ей сделать мелирование. В момент, когда я об этом вспомнила, Ланс меня и заметил. Вообще-то, я знала, что это

должно было произойти.

– А ты что здесь делаешь, малявка? Твоя мама мои кишки на подвязки пустит. Тебе что, в школу не надо или еще куда-нибудь там?

– Каникулы, – немного смущенно ответила я и вышла из-за спины Йоши.

Ланс все время говорил со мной так, как будто мне было на пять лет меньше, чем на самом деле.

– Считай, что ее здесь нет, – предложила Лансу Йоши. – Девочка просто хочет увидеть дельфинов.

Я посмотрела на Ланса и опустила вниз закатанные рукава.

Он взглянул на меня и пожал плечами:

– Ты наденешь спасательный жилет?

Я кивнула.

– И не будешь болтаться у меня под ногами?

Я вскинула голову, как будто мои глаза могли говорить.

– Не обижай девочку, – сказала Йоши. – Ее уже два раза тошнило.

– Это нервное, – объяснила я. – У меня с животом всегда так.

– Вот неприятность. Слушай, ты, главное, сделай так, чтобы твоя мама поняла, что я к этому не имею отношения. И еще, малявка, давай в следующий раз ты выберешь «Мобидва»... Или вообще какую-нибудь другую лодку.

– Ты ее даже не увидишь, – пообещала Йоши. – В любом случае ход Грэга – это еще цветочки. – Тут она улыбнулась. – Подожди, пока он повернет, тогда увидишь, что он сделал с той стороной своего носа.

Это она сказала, когда мы уже выходили из кокпита. День выдался хорошим: море немного волновалось, но ветер был слабым, а воздух – таким прозрачным, что можно было разглядеть белые барашки на бурунах в нескольких милях от нас. Я шла за Йоши на главную палубу с рестораном, катамаран поднимался и опускался на волнах, но мои ноги легко амортизировали качку. Теперь, когда капитан знал о том, что я на борту, я чувствовала себя более уверенно.

Отрезок между выходом в море и прибытием в спокойные воды, где любят собираться бутылконосы^[2], – самый тяжелый для стюарда. Так сказала мне Йоши, она же и была стюардом на «Моби I». Пока пассажиры сидели на верхней палубе и, закутавшись в шерстяные шарфы, наслаждались свежим майским воздухом, Йоши раскладывала закуски для шведского стола, предлагала напитки и, если начиналась качка, заготавливала моющие средства и пакеты для рвоты.

– Они должны оставаться на нижних палубах, есть и пить следует быстро, а если тошнит, надо пользоваться пакетами, а не свешиваться за борт, да так, что потом никто к поручням подойти не сможет, – тихо ворчала Йоши, поглядывая на хорошо одетых азиатов, которые скупили большую часть билетов на утро. – Но им, сколько ни говори, все без толку. А если это японцы, – не без некоторого злорадства добавила она, – то оставшееся время они просидят молчком с серыми лицами. Поднимут воротники, спрячут глаза за темными очками и будут упорно смотреть на море.

– Чай? Кофе? Печенье? Чай? Кофе? Печенье?

Я шла за Йоши на переднюю палубу, ветер трепал мою ветровку, холодный воздух покусывал за нос и за мочки ушей. Большинство пассажиров ничего не хотели, они смотрели на горизонт и фотографировали друг друга. Я решила, что они все равно уже поели, и

таскала печенье из банки.

«Моби Ё» был самым большим в Сильвер-Бей катамараном – «кэтом», как называли их в команде. Обычно на катамаране работали два стюарда, но с похолоданием туристов становилось все меньше, и до следующего сезона Йоши работала одна. Мне это даже нравилось, потому что так было легче уговорить ее взять меня на борт. Я помогла Йоши расставить чайники и кофейники по держателям и вышла на узкую часть палубы. Там мы прильнули к окнам и наблюдали за тем, как «Сьюзен» продолжает идти по волнам неровным курсом. Даже на таком расстоянии мы видели, что люди у нее на борту перевесились через поручни и разглядывают намалеванную красной краской надпись прямо под ними.

– А вот сейчас мы можем сделать перерыв на десять минут. Держи. – Йоши открыла колу и протянула мне банку. – Ты когда-нибудь слышала о теории хаоса?

– Ну, мм, – протянула я загадочно, чтобы можно было подумать, что слышала.

– Те люди, – сказала Йоши и махнула рукой в сторону маленькой яхты, и в тот же момент мы почувствовали, как катамаран замедлил ход, – которые отправились в долгожданное плавание... Если бы они знали, что их надеждам увидеть дельфинов в естественной среде не суждено сбыться из-за бывшей девушки капитана и ее нового парня, того, который теперь живет с ней больше чем в двухстах пятидесяти километрах отсюда, в Сиднее, и считает, что цветастые шорты – это повседневная одежда...

Я сделала большой глоток колы, от газов у меня навернулись слезы.

– Ты хочешь сказать, что туристов на яхте Грэга тошнит из-за теории хаоса?

Я-то думала, оттого, что он опять напился накануне вечером.

Йоши улыбнулась:

– Что-то вроде.

Шум двигателя затих, и «Моби Ё» остановился. Стало слышно, как болтают туристы и волны плещутся о борт. Я любила эти моменты, любила смотреть, как мой дом превращается в белую точку на узкой полоске берега, а потом исчезает за бесконечной чередой маленьких бухточек. Возможно, больше всего меня пленяло то, что я нарушала правила. Я не была какой-то бунтаркой, совсем нет, но мне нравилось так думать.

У Лары был динги^[3], ей разрешали самой выходить в море (но не за буйки) и пометать старые устричные отмели. Я ей завидовала. Моя мама не разрешила бы мне одной плавать на лодке по заливу, хотя мне было уже почти одиннадцать. «Всему свое время» – так бы она мне ответила. Не было смысла спорить с ней о таких вещах.

Рядом с нами появился Ланс. Он только что закончил фотографироваться с двумя хихикающими девушками. Молодые женщины часто просили его сняться с ними, и он никогда не отказывал. Йоши говорила, что поэтому Ланс и любит носить капитанскую фуражку, даже когда солнце палит так, что мозги плавятся.

Ланс, прищурившись, посмотрел в сторону яхты Грэга и спросил:

– Что он там намалевал?

Мне показалось, что он уже простил меня за то, что я без спроса пробралась к нему на борт.

– Скажу, когда вернемся на пристань, – ответила Йоши.

Я заметила косой взгляд в свою сторону и сказала:

– Между прочим, я могу это прочитать.

На лодке Грэга, которая еще день назад называлась «Милая Сьюзен», теперь красной краской было написано, что «Сьюзен» делает нечто, что, как сказала бы Йоши,

биологически невозможно.

Йоши повернулась к Лансу и, понизив голос, как будто это не для моих ушей, сообщила:
– Миссис все-таки признала, что был другой мужчина.

Ланс присвистнул:

– Он то же самое говорил. А она отрицала.

– Не хотела признаваться, потому что знала, как он отреагирует. Сам-то Грэг совсем не святой... – Йоши мельком взглянула на меня. – В общем, она уехала жить в Сидней и сказала, что хочет половину яхты.

– А он что?

– Я думаю, ответ на лодке.

– Не могу поверить, что он взял пассажиров с таким размалеванным бортом.

Ланс поднес бинокль к глазам, чтобы получше разглядеть красные буквы на борту «Сьюзен».

Йоши жестом попросила передать ей бинокль.

– Он утром был таким кривым, я даже не уверена, что он помнит, что сделал.

Нас прервали возбужденные крики туристов на верхней палубе. Они столпились у носа на кокпите.

– Началось, – пробормотал Ланс, потом он расправил плечи и, улыбнувшись, обратился ко мне: – Наши карманные денежки, малявка. Пора приниматься за работу.

Йоши говорила, что иногда можно проплыть весь залив, а бутылконосы так и не появятся. В результате лодка, полная неудовлетворенных наблюдателей за дельфинами, превращается в лодку, которая во второй раз будет катать их бесплатно, плюс еще пятьдесят процентов компенсации, а эти два обстоятельства гарантированно выведут босса из себя.

Туристы столпились на носу катамарана и старались поймать в объективы своих камер серые блестящие силуэты, которые прыгали через волны. Я пыталась разглядеть, кто явился поиграть. Однажды на стене нижней палубы Йоши развесила фотографии плавников всех дельфинов в наших водах и каждому дала имя: Зигзаг, Ван Кат^[4], Пайпер...^[5] Сначала все члены команды смеялись над ней, но потом сами стали распознавать плавники. И теперь можно было услышать, как они говорят друг другу вполголоса, например: «Баттернайф^[6] уже второй раз за неделю появляется». Я тоже все имена знала наизусть.

– Похоже, это Поло и Бролли^[7].

– А это детеныш Бролли?

Дельфины беззвучно кружили вокруг катамарана, как будто это они были туристами, которые осматривают местные достопримечательности. Каждый раз, когда кто-то из них выпрыгивал на поверхность, щелкали затворы фотоаппаратов. Интересно, что они думали о людях, которые таранились на них с лодки? Я знала, что дельфины неглупые животные, и часто представляла, как они после прогулки встречаются у рифов, смеются и обсуждают нас на своем дельфиньем языке. «Помнишь того, в синей шляпе? А рядом, в дурацких очках?»

Ланс по корабельному радио обратился к туристам:

– Леди и джентльмены, пожалуйста, не сбегайте все на один борт. Мы сделаем медленный поворот, и каждый из вас сможет отлично рассмотреть дельфинов. Если вы соберетесь на одной стороне, мы, скорее всего, перевернемся. Дельфинам не нравятся перевернутые лодки.

Я посмотрела вверх и увидела двух альбатросов: они замерли, сложили крылья, спикировали и без брызг вошли в воду. Один снова поднялся в воздух и начал кружить в

поисках добычи. Потом к нему присоединился второй, они взмыли над маленькой бухтой и исчезли из виду. Я проводила альбатросов взглядом. «Моби I» медленно изменил позицию, а я перегнулась через поручни и, чтобы полюбоваться новыми кроссовками, сунула ноги под нижнюю перекладину. Йоши пообещала, что, когда станет теплее, разрешит мне посидеть на нижней сетке, тогда я смогу дотронуться до дельфинов, а может, даже и поплавать с ними. Но это только если моя мама согласится. А мы все понимали, что это значит.

Лодка вдруг дернулась, я только через секунду поняла, что заработали двигатели, и крепче схватилась за поручни. Я выросла в Сильвер-Бей и знала, как надо вести себя рядом с дельфинами. Хочешь, чтобы они поиграли, – заглуши двигатель. Если они продолжают движение – иди параллельным курсом, пусть они будут ведомыми. Дельфины все ясно объясняют своим поведением: если вы им понравитесь, они подплывут ближе или будут держаться на небольшом расстоянии, если вы им не понравитесь, они уплывут. Йоши неодобрительно на меня посмотрела, катамаран накренился, и мы обе ухватились за спасательный трос. Моя растерянность как в зеркале отразилась на лице Йоши.

От внезапного запуска двигателей катамаран прыгнул, а туристы на верхней палубе с визгом попадали на свои сиденья. Мы прямо полетели вперед.

Когда я и Йоши, цепляясь за поручни, поднялись в кокпит, Ланс был на связи. Мы встали у него за спиной. «Милая Сьюзен» неслась по волнам на некотором расстоянии от нас. Капитану было явно плевать на жалких людишек, которые теперь уже в большем количестве болтались на поручнях его лодки.

– Ланс, что ты делаешь? – громко закричала Йоши, схватившись за поручни.

– Увидимся на финише, приятель... – пробормотал Ланс и одними губами сказал Йоши: – Мне нужен переводчик.

После этого он состроил гримасу и включил корабельную радиосвязь:

– Леди и джентльмены, сегодня утром у нас есть для вас нечто особенное. Вы уже насладились созерцанием дельфинов залива Сильвер-Бей, но, если вы будете крепко держаться за поручни, мы с удовольствием покажем вам еще кое-что волшебное. В море немного впереди нас замечены киты, первые в этом сезоне. Это горбатые киты, каждый год они мигрируют через наши воды из Антарктики на север. Я вам обещаю – это зрелище вы никогда не забудете. А теперь, пожалуйста, сядьте или крепче держитесь за поручни. Впереди море не такое спокойное, так что возможна небольшая качка, но я хочу доставить вас к месту вовремя, чтобы вы смогли увидеть китов. Тем, кто желает оставаться на носу лодки, я предлагаю надеть дождевики, их у нас на корме достаточно.

Ланс повернул штурвал и кивнул Йоши. Йоши взяла микрофон и повторила все, что сказал Ланс, сначала на японском языке и, как могла, на корейском. Потом она говорила, что так разволновалась от услышанного, что, вполне возможно, просто пересказала туристам меню предыдущего дня. У нее в голове и у меня тоже звенело только одно слово: «Кит!»

– Далеко? – спросила Йоши, глядя в сверкающее впереди море.

Ее тело напряглось. У меня свело желудок. От былой расслабленной атмосферы не осталось и следа.

– Четыре мили, может, пять. Не знаю. С вертолета туристов передали, что вроде видели пару в двух милях от Торн-Пойнта. Еще рановато, конечно, но...

– В прошлом году – четырнадцатого июня. Мы не так уж далеко, – сказала Йоши. – Матерь Божья! Посмотри на Грэга! Если он будет нестись на такой скорости, точно потеряет пассажиров. Его лодка не настолько большая, чтобы прыгать по волнам.

– Не хочет, чтобы мы опередили его. – Ланс тряхнул головой и посмотрел на спидометр. – Полный ход. И пусть в этом году «Моби-один» будет первым. Ну хоть раз.

Некоторые трудились на таких лодках, как «Моби I», всего лишь для того, чтобы набрать нужное количество часов, перед тем как перейти на более крупные суда и заняться более квалифицированной работой. Некоторые, такие как Йоши, самозабвенно осваивали здесь профессию и даже забывали вернуться домой. Но для всех было чудом увидеть первых китов в начале сезона миграции. Как только становилось известно об их появлении, все пять лодок, которые работали на Китовой пристани, переключались с наблюдения за дельфинами на наблюдение за китами. А для команд было важно первенство. Эта гонка была настоящей страстью и как настоящая страсть сводила их с ума. Поверьте, именно так все и обстояло.

– Ты посмотри на этого кретина. И как только он умудряется держать курс, – зло сказал Ланс.

Грэг шел по левому борту от нас, но не отставал.

– Не может смириться с тем, что мы будем первыми. – Йоши схватила дождевик и набросила его на меня. – Вот так! На случай, если выйдем на нос. Там очень сыро.

Ланс заметил на горизонте еще одну лодку.

– Дьявол, поверить не могу! – Он, наверное, окончательно забыл, что я рядом и при мне, ребенку, ругаться нельзя. – Это Митчелл! Держу пари – он весь день сидел у радио и теперь спокойненько идет к цели с полной кабиной пассажиров. Я его когда-нибудь за такие штучки повешу.

Они всегда стонали из-за Митчелла Дрэя. Его, в отличие от других, никогда особенно не волновало наблюдение за дельфинами. Иногда он просто прослушивал радиопереговоры между кораблями, узнавал, что где-то засекли китов, и сразу шел к цели.

– Я правда увижу кита? – спросила я.

Катамаран несся по воде, подскакивая на волнах так, что мои ноги отрывались от пола. Мне пришлось отойти к стене. Через окна доносились возбужденные крики туристов и смех тех, кого изредка окатывали большие волны.

– Скрестим пальцы, – сказала Йоши, вглядываясь в горизонт.

Настоящий кит. Я только один раз видела кита. Вместе с тетей Кэтлин. Вообще-то, мне не разрешали выходить так далеко в море.

– Вон там... Там! Нет, это брызги. – Йоши смотрела в бинокль. – Ты не можешь чуть сменить курс? Слишком яркий свет, блики на воде.

– Не могу, если хочешь, чтобы я пришел первым.

Но все-таки Ланс повернул лодку вправо, пытаясь избежать слишком слепящего света.

– Надо связаться с берегом. Узнаем, где точно вертолет засек китов, – предложила Йоши.

– Нет смысла, – ответил Ланс. – Они уже могли уйти мили на две. И Митчелл будет слушать. Не собираюсь подкидывать этому придурку информацию. Он все лето у нас пассажиров переманивал.

– Тогда смотри, где появится выброс.

– Ага, и маленький флажок с надписью «Кит».

– Ланс, я просто пытаюсь помочь.

– Вон там! – Мне удалось разглядеть вдалеке под водой что-то похожее на маленькую темную гальку. – Север-северо-восток. За Брейк-Ноус-Айлендом. Только нырнул.

Казалось, меня стошнит от перевозбуждения. Ланс за моей спиной начал отсчет:

– Раз... два... три... четыре... кит!

Над горизонтом появился фонтан воды, который никогда ни с чем не спутаешь. Йоши взвизгнула, Ланс посмотрел в сторону лодки Грэга, тот со своей позиции не мог увидеть выдох кита.

– Мы ее засекали, – сквозь зубы прошипел Ланс.

Для него все киты были девочками, так же как все дети – малявками.

Кит. Я смаковала это слово и не отрывала глаз от воды. «Моби Ё» сменил курс. Огромный катамаран тяжело прыгал по волнам, а я представляла, как за мысом прыгает кит и подставляет всему миру свое белое брюхо.

– Кит... – прошептала я.

– Мы будем первыми, – возбужденно бормотал себе под нос Ланс. – Хотя бы раз мы будем первыми.

Я наблюдала за тем, как он крутит штурвал и шепотом отсчитывает секунды между выдохами кита. Интервал больше тридцати секунд – значит, занырнул глубоко, и мы можем его потерять. Меньше – у нас есть шанс пойти за ним.

– Семь... восемь... Она поднялась. Да! – Ланс хлопнул ладонью по штурвалу и схватил микрофон системы внутреннего оповещения. – Леди и джентльмены, если вы посмотрите направо, вы сможете увидеть кита, который движется вон там, за небольшим кусочком суши.

– Грэг понял, куда мы направляемся, – сказала Йоши с улыбкой. – Теперь ему нас не догнать. У него двигатель недостаточно мощный.

– «Моби-один» вызывает «Голубой горизонт». Митчелл, – заорал Ланс в свою рацию, – хочешь увидеть эту малышку, придется плестись у меня в хвосте!

– «Голубой горизонт» вызывает «Моби-один», – ответил Митчелл. – Я здесь только на случай, если у Грэга пассажиры попадают за борт. Должен же кто-то их подобрать.

– О, а большая рыба совсем не интересуется? – отрывисто спросил Ланс.

– Море большое, Ланс, места всем хватит.

Я крепко схватилась за край штурманского стола, так, что даже костяшки пальцев побелели, и смотрела, как постепенно увеличивается в размерах поросший кустарником мыс. Может, кит останется там и позволит нам подойти ближе? Может, поднимет голову над водой и посмотрит на нас? Может, подплывет к нашему борту и покажет своего детеныша?

– Две минуты, – сказал Ланс. – Обойдем мыс через две минуты. Будем надеяться, получится подойти ближе.

– Давай же, девочка, устрой для нас хорошее шоу, – тихо уговаривала кита Йоши, не отрывая бинокль от глаз.

«Кит, – мысленно просила я, – подожди нас, кит».

Мне было интересно – заметит ли он меня, почувствует ли, что я одна из всех на лодке имею особую связь с обитателями моря. Я нисколько не сомневалась в том, что чувствую их.

– Вот дьявол! Глазам своим не верю. – Ланс снял фуражку и уставился в окно.

– Что? – спросила Йоши, наклонившись к нему.

– Сама посмотри.

Я проследила за взглядом Ланса. Всего в полумиле от мыса стоял на якоре «Измаил». Он мирно покачивался на зеленовато-голубых волнах, его свежескрашенные борта сверкали в лучах полуденного солнца.

Возле штурвала, облокотившись на поручни, стояла моя мама. Волосы хлестали ее по лицу, на ней была выгоревшая добела кепка, в которой она неизменно выходила в море. Милли, наша собака, лежала у штурвала и, судя по ее виду, спала. Можно было подумать, что

мама уже давным-давно так стояла и ждала этого кита.

– Чертовщина какая-то, как она это делает? – возмутился Ланс.

Йоши так на него посмотрела, что он, как будто извиняясь, сказал мне:

– Ничего личного, но – черт побери...

– Она всегда приходит первой, – отозвалась Йоши, в ее голосе были восторг и смирение одновременно.

– Проиграть Пом. Черт, это еще хуже, чем в крикет.

Ланс прикурил сигарету и с отвращением отбросил спичку в сторону.

Я вышла на палубу.

И в этот момент появился кит. Пока мы таращились на него с открытыми ртами, он взмахом хвостового плавника окатил водой «Измаил». Туристы на верхней палубе радостно завопили. Гигантский кит резвился настолько близко, что можно было разглядеть прилипал на его туловище и гофрированное белое брюхо. Так близко, что я смогла увидеть его глаз. Кит двигался очень быстро, как-то даже несолидно для такого громадного животного.

У меня перехватило дыхание. Держась одной рукой за спасательный трос, я смотрела в бинокль, но не на кита, а на мою маму. Я почти не слышала восторженных криков о том, какой кит огромный, не чувствовала волну, которую он послал в сторону маленькой, по сравнению с ним, лодки, и совсем забыла о том, что должна оставаться незамеченной. Даже на таком расстоянии я видела, что Лиза Маккалин улыбается и смотрит куда-то вверх. Такой ее редко можно было увидеть на суше. Точнее, никогда.

Тетя Кэтлин подошла к большому столу из отбеленного дерева на краю веранды и поставила рядом с хлебницей большое блюдо с креветками и дольками лимона. Вообще-то, Кэтлин – моя двоюродная бабушка, но она говорит, что, когда я называю ее бабушкой, она чувствует себя старой развалиной, так что я называю ее тетя Кей. За спиной тети в лучах вечернего солнца мягко светился обшитый белым сайдингом фасад отеля, по окнам которого скользили желто-оранжевые блики. Немного усилившийся к вечеру ветер раскачивал вывеску.

– А это зачем? – спросил Грэг, подняв голову от бутылки с пивом, которую баюкал в руках.

Он наконец снял солнцезащитные очки, тени у него под глазами выдавали события прошлого вечера.

– Я слышу, как у тебя урчит в животе, – сказала тетя и бросила на стол перед Грэгом салфетку.

– А он тебе не сказал, что четыре пассажира потребовали компенсации, после того как увидели надпись у него на борту? – усмехнувшись, спросил Ланс. – Извини, Грэг, приятель, но, черт, это так глупо. Лучше ничего не мог придумать?

– Ты – сама доброта, Кэтлин. – Грэг проигнорировал Ланса и потянулся за хлебом.

Тетя подарила ему один из своих взглядов:

– Еще раз напишешь такие слова там, где их сможет прочитать Ханна, будет тебе доброта.

– Леди Акула все такая же опасная, – сказал Ланс и, повернувшись к Грэгу, щелкнул зубами.

Тетя Кэтлин не обратила внимания на него.

– Ханна, налетай. Держу пари – ты утром ни крошки не съела. Сейчас принесу салат.

– Она ела печенье, – сказала Йоши, сосредоточенно очищая креветку.

– Печенье, – фыркнула тетя.

Практически каждый вечер мы, команды Китовой пристани, собирались на веранде напротив кухни отеля. Обычно, перед тем как разойтись, члены команд угощали друг друга одной-двумя бутылками пива. Тетя Кэтлин говорила, что те, кто помоложе, порой так наугощаются, что до дома идти не могут.

Я вцепилась зубами в тигровую креветку и заметила, что из отеля вынесли горелки. В июне многие туристы любили посидеть на свежем воздухе, а зимой на веранде, вне зависимости от погоды, собирались члены команд и обсуждали события дня. Состав команд каждый год менялся: кто-то находил новую работу, кто-то уезжал учиться в университет, но Ланс, Грэг, Йоши были частью моего мира, с тех пор как я живу в Сильвер-Бей. Тетя Кэтлин обычно зажигала горелки в начале месяца, и до сентября они горели все вечера.

– Много катали сегодня? – спросила тетя, вернувшись на веранду с салатом. – У меня в музее никого не было.

Ловкими и сильными пальцами она быстро перемешала салат и, я даже не успела возразить, положила порцию на мою тарелку.

– «Моби-один» загрузился под завязку. Большинство – корейцы, – ответила Йоши, пожав плечами. – А Грэг чуть половину своих не потерял.

– Они получили отличную картинку. – Грэг потянулся за очередным куском хлеба. – Никто не жаловался. Есть еще пиво, мисс М?

– Ты знаешь, где бар. Ханна, а ты его видела?

– Просто громадина! Я даже прилипал разглядела.

Почему-то я ожидала, что кит будет гладким, но все оказалось наоборот: его грубая морщинистая кожа была вся исполосована шрамами после стычек с другими обитателями моря, и он казался ожившим островом.

– Он был совсем рядом. Я ей сказала, что обычно мы не подходим так близко, – вставила Йоши.

– Если бы Ханна была на лодке с мамой, – прищурившись, сказал Грэг, – она бы зубки ему смогла почистить.

– Так, ладно, больше об этом не говорим... – Тетя Кэтлин тряхнула головой. – Ни слова. – И она беззвучно, одними губами сказала мне: – Это последний раз.

Я послушно кивнула. Это был третий последний раз за месяц.

– А Митчелл появлялся? Надо за ним понаблюдать. Я слышала, он присоединился к этим сиднейцам с их большими лодками.

Все за столом вскинули головы.

– Я думал, Национальные парки и Служба охраны дикой природы их распугали, – сказал Ланс.

– Ходила сегодня на рыбный рынок, – отозвалась тетя Кэтлин, – мне там сказали, что видели одного «перепуганного». Музыка – на полную мощность, пассажиры танцуют на палубе, как на дискотеке. Испортили всю вечернюю рыбалку. Но когда появились люди из парков и службы охраны, он уже был далеко. Ничего не докажешь.

В Сильвер-Бей очень важно сохранять баланс: слишком мало желающих понаблюдать за дельфинами и китами – бизнес может загнуться; слишком много – они спугнут тех, кого сами же хотят посмотреть.

Ланс и Грэг выступали против трехпалубных катамаранов в нашем заливе. Тут они

придерживались одного мнения. На этих лодках часто громко включали музыку и было слишком много народу.

– Они нас всех до ручки доведут, – сказал Ланс. – Им на все плевать. Только деньги на уме. Надо засудить Митчелла так, чтобы мало не показалось.

Я даже не подозревала, насколько проголодалась. В рекордное время уплела шесть огромных креветок и начала гоняться по блюду за пальцами Грэга. Он улыбнулся и помахал передо мной головой креветки, я показала ему язык. Мне кажется, я немножко влюблена в Грэга, но я, конечно, никому никогда об этом не расскажу.

– О, вот и она – Принцесса Китов.

– Очень смешно. – Мама бросила ключи на стол и жестом попросила Йоши подвинуться, чтобы можно было втиснуться рядом со мной.

– Как прошел день, милая? – спросила мама и поцеловала меня в макушку.

От нее пахло морем и солнцезащитным кремом.

– Отлично, – ответила я и стрельнула глазами в сторону тети.

А потом, чтобы мама не смогла заметить, что я покраснела, нагнулась и почесала Милли за ухом. У меня все еще вспыхивала в голове картинка с китом, она была такой яркой, мне казалось, что всем ее видно.

– Чем занималась? – спросила мама и налила себе стакан воды.

– Да, Ханна, чем ты занималась? – спросил Грэг и подмигнул мне.

– Утром она помогала мне перестилать кровати. – Тетя Кэтлин сердито посмотрела на Грэга. – Я слышала, что у тебя день точно выдался хороший.

– Неплохой. – Мама сделала большой глоток воды. – Боже, я умираю от жажды. Ты достаточно пила сегодня, Ханна? Кэтлин, она достаточно пила сегодня?

Мы уже давно жили в Австралии, но у мамы даже спустя столько лет сохранился акцент.

– Да, она пила много. А как много ты видела?

– Ханна всегда мало пьет. Только одного. Большая девочка. Выплеснула мне в сумку полванны воды. Вот смотри.

Мама вытащила из сумки чековую книжку. Края страниц в книжке от влаги стали волнистыми.

– Это же ошибка новичка, – недовольно вздохнула тетя. – А ты что, никого с собой не взяла?

Мама отрицательно покачала головой:

– Хотела еще раз испытать новый руль, посмотреть, как он поведет себя на волне. В мастерской предупредили, что может заклинить.

– И ты совершенно случайно наткнулась на кита, – сказал Ланс.

Мама сделала еще один глоток воды.

– Да.

Лицо ее оставалось непроницаемым. Она сама была непроницаемой. Как будто никакой встречи с китом и не было.

Несколько минут мы ели молча. Солнце медленно клонилось к горизонту. Мимо прошли два рыбака, они помахали нам в знак приветствия. В одном я узнала папу Лары, но я не уверена, что он меня увидел.

Мама съела кусок хлеба и маленькую порцию салата, даже меньше, чем у меня, а я салат не люблю. Потом она посмотрела на Грэга:

– Я слышала о «Сьюзен».

– Половина Порт-Стивенса знает о Сьюзен.

У Грэга были усталые глаза и щетина, как будто он неделю не брился.

– Да. Ну прости, виновата.

– Виновата – достаточно, чтобы в пятницу выйти со мной в море?

– Нет.

Мама встала, посмотрела на часы, закинула чековую книжку обратно в сумку и повернулась к дверям в кухню.

– Этот новый руль все еще не отлажен. Надо позвонить в мастерскую, пока они не ушли.

Ханна, надень свитер, ветер поднимается.

Я наблюдала за тем, как она уходит, а следом за ней бежит Милли.

Мы все молчали, пока не услышали, как хлопнула дверь-сетка. Тогда Ланс откинулся на спинку стула и посмотрел на темнеющий залив, где вдали на горизонте плыл едва заметный для глаза катер.

– Наш первый кит и первый отказ Грэгу в этом сезоне. Милая симметрия, ты не находишь? – сказал Ланс и пригнулся.

Кусок хлеба отскочил от спинки его стула.

Музей китобоев располагался в здании бывшего перерабатывающего завода в нескольких сотнях ярдов от отеля «Сильвер-Бей». Завод закрылся в начале шестидесятых, когда запретили китобойный промысел. Это был не самый привлекательный объект для современных туристов: здание напоминало большой ангар, пол был подозрительно красно-коричневого цвета, а стены побелели от соли, которую использовали при обработке. За музеем находился туалет без водопровода. Для тех, кому захочется пить, всегда стоял наготове кувшин со свежавыжатым лимонным соком, а поесть, как указывала табличка, можно в отеле. Я бы сказала, что нынешние «удобства» в два раза превосходили то, что можно было получить в те времена, когда мой отец был еще жив.

Самый ценный предмет экспозиции – корпус китобойца «Мауи II». В тысяча девятьсот тридцать пятом году на «Мауи II» напал кит минке, он поднял его на хвосте, подбросил, и китобой развалился на две половины. К счастью, поблизости оказался рыболовный траулер, его команда спасла китобоев и подтвердила их историю. Местные жители годами приходили в музей, чтобы посмотреть на свидетельство того, как природа может отомстить человеку, когда тот берет больше, чем ему надо.

Я занималась музеем с тех пор, как в семидесятом умер мой отец, и всегда позволяла посетителям забираться на обломки корпуса «Мауи II» и пощупать руками расщепленные доски. Их лица оживлялись, когда они представляли, каково это – оказаться верхом на ките. Давным-давно я позировала для репортера из газеты, какой-то глазастый турист опознал во мне Девочку Акулу, так что я поместила фотографии в рамочки и развесила их на стенах между застекленными витринами с чучелами рыб.

В наше время музей уже мало кого интересуется. Туристы, которые останавливаются в отеле, могут из вежливости провести минут десять в этом пыльном помещении, могут даже потратить пятнадцать центов на открытки и подписать очередную петицию против возобновления китобойного промысла. Но обычно они заскакивают в музей, потому что дожидаются такси, или поднялся ветер, или идет дождь и они не могут выйти в залив.

В тот день в музее я думала о том, что, возможно, мне не стоит их осуждать. Останки корпуса «Мауи II» все больше походили на сплавной лес, а китовый ус, эти странные пластинки из пасти горбатого кита, уже всем приелись и проигрывали в привлекательности мини-гольфу, игровым автоматам в серфинг-клубе. Годами мне рассказывали, как лучше осовременить музей, но я никого не слушала. Зачем? Половина из тех, кто забредал в музей, чувствовали себя там неловко, потому что им казалось странным прославлять то, что теперь запрещено законом. Да я и сама не понимала, почему не закрываю музей. Вот только китобойный промысел – это история Сильвер-Бей, а история, пусть и горькая, остается историей.

Я поправила на стене закрепленный на крюках гарпун, который по давно забытым мной причинам был известен как «Старый Гарри», и взяла удочку, что висела под ним. Смахнув тряпкой пыль с удочки, я крутанула катушку, чтобы убедиться в том, что она все еще работает. Конечно, это уже было неважно, но мне всегда приятно сознавать, что все вещи в полном порядке. Я постояла немного в нерешительности с удочкой в руках, но соблазн был

велик, и я отклонила ее назад, как будто приготовилась закинуть.

– Ну, много здесь ты не поймашь.

Я резко развернулась и схватилась рукой за сердце.

– Нино Гейнс! Я из-за тебя чуть свою удочку не уронила.

– Как же, дождешься от тебя.

Нино снял шляпу и прошел от порога в центр зала.

– Никогда не видел, чтобы ты уронила удочку. – Он улыбнулся, продемонстрировав свои кривые зубы. – У меня в грузовике парочка ящиков хорошего вина. Подумал, может, ты будешь не против продегустировать со мной одну за ланчем. Я ценю твое мнение.

– Если память мне не изменяет, мой заказ только на следующей неделе. – Я вернула удочку на место и вытерла руки о молескиновые брюки.

В моем возрасте глупо беспокоиться из-за внешнего вида, но мне не понравилось, что Нино застал меня в рабочих штанах, да еще растрепанной.

– Как я уже упомянул, это хорошая партия. Буду признателен, если ты выскажешь свое мнение.

Нино улыбнулся. Морщины на его лице говорили о годах работы на виноградниках, а розоватый оттенок кожи вокруг носа – о том, как он проводил вечера после работы.

– Завтра приезжает гость, я должна приготовить для него номер.

– И сколько времени у тебя уходит на то, чтобы застелить кровать, женщина?

– Зимой у нас не так уж много гостей. Дареному коню в зубы не смотрят, но... – Я заметила, что Нино расстроился, и смягчилась. – Пожалуй, смогу уделить тебе несколько минут, если только ты не рассчитываешь на закуску. Я жду заказ из бакалейного магазина. Этот дрянной мальчишка каждую неделю запаздывает.

– Я это предвидел. – Нино поднял в руке бумажный пакет. – У меня пара пирогов и тамарилло на десерт. Я знаю, какие вы – работающие девочки. Все работа, работа, работа... Должен же кто-то поддерживать в вас силы.

Я не смогла сдержаться и рассмеялась. Нино Гейнс всегда так на меня действовал, еще с войны, когда он появился в наших местах и объявил о своем намерении здесь обосноваться. Тогда весь залив заполнили австралийские и американские военные. Мой отец отметил, что Нино – аккуратный парень. В то время как другие молодые военные улюлюкали и свистели, когда я работала за стойкой, Нино вел себя как джентльмен. Он всегда снимал фуражку, пока ожидал свой заказ, и никогда не забывал обратиться к моей маме «мэм».

«Все равно не стоит ему доверять», – бурчал отец, и я в итоге склонилась к мысли, что, возможно, он и прав.

День был ясным, море спокойным – хороший день для команд с Китовой пристани. Мы сели за стол, и я наблюдала за тем, как «Моби I» и «Моби II» направляются в устье залива. Зрение у меня было уже не таким, как раньше, но казалось, что у них на борту приличное количество пассажиров. Лиза вышла в море раньше. Она взяла группу пенсионеров из Клуба Лиги вернувшихся и служащих. Бесплатно. Она поступала так каждый месяц, хоть я и говорила ей, что это глупо.

– Закрываешься на зиму?

Я покачала головой и откусила кусок пирога.

– Нет. «Моби» хотят попробовать работать со мной: ночлег, питание и наблюдение за китами по фиксированной цене. Плюс музей. Почти как я с Лизой. Они напечатали

брошюры и собираются разместить что-то там на туристическом веб-сайте Нового Южного Уэльса. Говорят, так ведут большой бизнес.

Я ожидала, что Нино начнет ворчать о том, что новые технологии не для него, но он сказал:

– Отличная идея. Я теперь ящиков сорок в месяц через сеть продаю.

– Ты пользуешься интернетом? – Я посмотрела на него поверх очков.

Нино поднял бокал, он явно был доволен тем, что сумел меня удивить.

– Что бы ты там ни думала, мисс Кэтрин Виттер Мостин, но ты многого обо мне не знаешь. Я в киберпространстве уже, дай бог, полтора года. Фрэнк установил у меня интернет. Скажу тебе правду: мне порой очень даже нравится бродить по сети. Покупаю там разные товары. – Нино указал на мой бокал, он хотел, чтобы я попробовала его вино. – Чертовски полезная штука, можно посмотреть, что предлагают крупные производители из Долины Хантер.

Меня поразила легкость, с которой Нино Гейнс рассуждал о новых технологиях, и я, чтобы как-то скрыть это, постаралась сосредоточиться на вине. Я чувствовала себя не в своей тарелке, так всегда бывало, когда я разговаривала с молодыми людьми, – как будто какие-то жизненно важные знания раздали у меня за спиной. Я понюхала вино, потом пригубила немного и подержала во рту, чтобы почувствовать букет. Молодое, но это не так плохо.

– Очень хорошее вино, Нино. Легкий привкус малины.

Если не в новых технологиях, то хоть в вине я разбиралась.

Нино кивнул с довольным видом:

– Я знал, что ты почувствуешь. Кстати, тебя в сети упоминают.

– Как упоминают?

– Как Девочку Акулу. Фрэнк набрал твоё имя в поисковике и сразу получил твоё фото и всё прочее. Из газетных архивов.

– В интернете есть моя фотография?

– В купальнике. Ты всегда была в нём такой соблазнительной. Есть ещё парочка текстов. Какая-то девочка из Университета Виктории упоминает о тебе в своей диссертации о женщинах, охоте и чем-то там ещё. Очень впечатляет, символизм, цитаты из классиков и бог знает что. Я попросил Фрэнка это распечатать, думал, что ты можешь повесить статью в рамочке в музее, но, кажется, забыл взять с собой.

Тут я действительно начала терять самообладание. Я поставила бокал на стол.

– В интернете есть моя фотография в купальнике?

Нино Гейнс рассмеялся:

– Успокойся, Кейт, это же не «Плейбой». Загляни ко мне завтра, покажу.

– Не уверена, что мне это нравится. Я там выставлена на всеобщее обозрение.

– Да это та же фотография, что висит у тебя. – Нино махнул в сторону музея. – Ты же не против, что люди на нее таращатся.

– Но... это другое.

На самом деле я понимала, что разницы никакой. Однако музей был моей личной территорией, я могла запретить или, наоборот, разрешить входить туда и смотреть на мою фотографию. И это успокаивало. А в интернете незнакомые люди бесконтрольно совали нос в мою жизнь, в мою историю, как будто это таблицы со ставками на ипподроме...

– Тебе следовало бы разместить в сети фотографию Лизы и её лодки. Гостей бы точно

стало больше. Забудь о рекламе отеля с «Моби»; симпатичная девушка, как Лиза, – вот кто привлечет туристов.

– Ты знаешь Лизу. Она предпочитает сама решать, с кем ей выйти в море.

– Так дела не делают. Почему бы тебе не сфокусироваться на своей лодке? Ночлег, кормежка и прогулка на «Измаиле» с Лизой – заказы посыплются со всего мира.

Я начала убирать со стола.

– Я так не думаю. Ты очень добр, Нино, но это не для нас.

– Как знать, вдруг она даже сможет найти себе парня. Пора бы ей уже завести кавалера.

Прошло целых две минуты, прежде чем Нино понял, что атмосфера за столом изменилась. Он успел съесть половину своего пирога и тут только заметил что-то в моем лице и замер. Он не мог понять, что он сказал не так.

– Я не хотел тебя обидеть, Кейт.

– Ты и не обидел.

– Но ты нервничаешь.

– Ничего я не нервничаю.

– Вот! Посмотри. – Нино показал на мою руку.

Я отбивала пальцами дробь по беленым доскам стола.

– С каких это пор стучать по столу пальцами – преступление? – спросила я и положила руку на колено.

– В чем дело?

– Нино Гейнс, мне надо подготовить номер к приезду гостя. Извини, но я уже потеряла полдня.

– Ты же не уходишь? О, брось, Кейт. Ты не доела ланч. Что случилось? Это из-за того, что я сказал про твою фотографию?

Никто, кроме Нино, не называл меня Кейт. Почему-то именно это обращение меня добило.

– У меня работа, которую надо сделать. Может, ты прекратишь уже?

– Я пошлю им сообщение по электронной почте. Попрошу убрать фотографию. Может, получится доказать, что у нас на нее авторские права.

– О господи, хватит болтать об этой фотографии. Я уйду. Мне действительно надо подготовить номер. До свидания. – Я стряхнула несуществующие крошки с брюк. – Спасибо за ланч.

Нино смотрел, как я – женщина, которую он любил и не мог понять уже больше пятидесяти лет, – встала с несвойственной для моего возраста легкостью и быстро пошла в сторону кухни, а он остался с двумя наполовину съеденными пирогами и практически нетронутым бокалом его лучшего вина. Всю дорогу к дому я чувствовала на себе его взгляд.

На секунду я представила, как в нем закипает злость оттого, что с ним в который раз обошлись явно несправедливо. Я слышала, как он встал из-за стола, а потом ветер донес до меня его голос. В этот раз Нино Гейнс не смог сдержаться.

– Кэтлин Виттер Мостин, ты самая упрямая женщина из всех, кого я знал, – крикнул он мне в спину.

– Никто не просил тебя приезжать, – крикнула я в ответ.

К своему стыду, должна признаться, я даже не обернулась.

Давным-давно, когда только умерли родители и я стала хозяйкой «Сильвер-Бей», многие

предлагали мне модернизировать отель. Говорили, что было бы хорошо сделать в номерах ваннные комнаты и подключить спутниковое телевидение, как в Порт-Стивенсе и Бирон-Бей. Говорили, что мне следует всерьез заняться рекламой, чтобы все узнали о том, как красив наш кусочек побережья. Я всегда слушала советчиков две минуты, не больше. Меня и, я подозреваю, других в Сильвер-Бей уже давно не волновало количество туристов. Мы наблюдали за тем, как наши соседи выше и ниже по побережью богатели, но потом были вынуждены жить с побочным эффектом своего успеха – потерей покоя: много машин на дорогах, пьяные отпускники и бесконечная цепь усовершенствований и нововведений.

Мне нравилось думать, что у нас в Сильвер-Бей сохраняется баланс, гостей было достаточно, чтобы хватало на жизнь, и не так много, чтобы кому-то пришло в голову менять порядок вещей. У нас был стабильный бизнес, хотя доход от наблюдения за морскими животными то падал, то поднимался, никто из нас никогда не расстраивался. Это была наша жизнь – только мы, дельфины и киты. И большинство это вполне устраивало.

Сильвер-Бей не был приветливым местом для чужестранцев. Когда в конце восемнадцатого века сюда прибыли первые европейцы, они сначала решили, что залив непригоден для жизни. Обнаженные горные породы, непроходимые заросли кустарника и движущиеся дюны – слишком бесплодная земля для поддержания жизни человека. (Думаю, в те времена аборигенов не считали людьми.) Прибрежные мелководья и песчаные отмели наказывали любопытных мореплавателей, корабли терпели крушения или садились на мель, пока наконец люди не построили первый маяк. А потом, как всегда, жадность сделала свое дело. На склонах вулканических холмов обнаружили строевой лес, а внизу – устричные отмели, и залив сразу стал обитаемым.

Лес вырубали безжалостно, холмы почти облысели. Устриц собирали на известь, затем как пищевой продукт, но этот промысел успели запретить до их полного исчезновения. Буду честной: когда мой отец высадился на эту землю, он был не лучше остальных. Он увидел залив, в котором плещутся марлины и тунец, акулы и меч-рыбы, и понял, какую прибыль сулит здешняя природа. Призы бесконечным строем маршировали прямо к нему в руки. Вот так на этом последнем каменистом холме залива Сильвер-Бей мой отец и мистер Ньюхейвен, потратив все свои сбережения до последнего пенни, построили наш отель.

В те времена между комнатами, которые занимала наша семья, и комнатами гостей была проведена четкая нерушимая граница. Маме нравилось, что никто из постояльцев не может увидеть ее, как она это называла, «в домашнем». Я думаю, это означало, что ее никогда не видели непричесанной. А моему отцу нравилось, что у нас с сестрой ограничен контакт с внешним миром. (Правда, это не остановило Ханну – она уехала в Англию до того, как ей исполнился двадцать один год.) Но я всегда знала, что родители просто хотели быть уверенными в том, что посторонние не услышат, как они ругаются.

После того как сгорело западное крыло, мы – или, вернее, большую часть времени я – жили в том, что осталось от отеля, как будто это был частный дом, а гости – квартиранты. Комнаты гостей располагались вдоль главного коридора, а наши – по другую сторону лестницы. Гостиная была открыта для всех. Только кухня была сакральным местом. Это правило мы установили несколько лет назад, когда девочки приехали жить ко мне. Они были полными противоположностями друг другу. Лиза не сидела на веранде с гостями, все свое свободное время она проводила на кухне. Ей не нравились праздные разговоры, и она старалась не заходить в гостиную или в столовую. Во избежание неожиданностей Лиза предпочитала держать дверь закрытой. Ханна, как и полагается в ее возрасте, была

общительной девочкой, большую часть времени она проводила в гостиной – лежала на диване с Милли в ногах, смотрела телевизор, читала или (теперь это случалось гораздо чаще) болтала по телефону с друзьями. Один бог знает, о чем они могли говорить, после того как вместе провели в школе целых шесть часов.

– Мам? Ты когда-нибудь была в Новой Зеландии?

Ханна вошла в кухню, и я заметила у нее на щеке след от подушки.

Лиза рассеянно протянула руку к дочери, чтобы стереть этот след.

– Нет, милая.

– Я бывала, – сказала я.

Я была занята штопкой носков, Лиза считала, что это пустая трата энергии, так как в супермаркете можно купить упаковку за пару долларов. Но я не из тех, кто может сидеть без дела.

– Несколько лет назад я ездила на озеро Туапо рыбачить.

– Чего-то я не помню, – сказала Ханна.

Я прикинула в уме, когда именно это было.

– Ну, думаю, лет двадцать назад, значит за четырнадцать лет до вашего приезда.

Ханна удивленно посмотрела на меня. Ей, как любому ребенку, было трудно представить что-то, что существовало до ее рождения, не говоря уже о том, что произошло так давно. Сама помню этот возраст, когда вечер без друзей, кажется, растягивается до срока тюремного заключения. Теперь не вечера, годы летят.

– А ты была в Веллингтоне? – спросила Хана, усаживаясь за стол.

– Была. Они там много домов понастроили на холмах вокруг залива. В последний раз, когда я там была, все удивлялась: на чем эти дома держатся?

– На сваях?

– Что-то вроде. Хотя это неумно. Я слышала, весь город был построен на разломе. Не хотела бы я оказаться в доме на сваях во время землетрясения.

Ханна какое-то время обдумывала полученную информацию.

– А почему ты спрашиваешь, милая? – Лиза похлопала по колену, приглашая Милли запрыгнуть.

Эту собаку никогда не надо было приглашать дважды.

Ханна намотала на палец прядь волос.

– В школе организуют тур. После Рождества. Я и подумала: может, я тоже смогу поехать? – Она смотрела то на меня, то на Лизу, как будто гадала, что мы ей ответим. – Это не очень дорого. Мы остановимся в хостеле, и вы же знаете, какие у нас учителя, – они нас одних никуда непустят. – Ханна начала тараторить: – И это очень полезно для учебы, расширяет кругозор, мы познакомимся с культурой маори, про вулканы много узнаем...

Больно смотреть на ребенка, который знает, что просит о невозможном.

– Если это очень дорого, я отдам все деньги, что накопила.

– Я не думаю, что это возможно. – Лиза протянула руку к Ханне. – Мне действительно очень жаль, милая.

– Все остальные поедут.

Ханна не разозлилась, она была слишком хорошей девочкой, чтобы злиться. В ее голосе была скорее просьба, чем протест. Мне порой даже хотелось, чтобы она разозлилась.

– Пожалуйста.

– У нас нет денег.

– Но я скопила почти триста долларов, и до поездки еще сто лет. Мы сможем накопить.

Лиза взглянула на меня и пожала плечами.

– Посмотрим, – сказала она таким тоном, что даже мне стало ясно, что вопрос решен.

– Ханна, у меня к тебе предложение. – Я отложила работу в сторону, штопка все равно вышла никудышная. – Я сделала кое-какие вложения. На следующий год, ближе к весне, они вернутся. Давай тогда все втроем поедем в Северную территорию, я смогу оплатить наше путешествие. Мне всегда хотелось побывать в нашем Парке Какаду^[8]. Может, померимся силой с крокодилами? Как ты на это смотришь?

Я по лицу Ханны видела, что она об этом думает. Она не хотела путешествовать по Австралии с мамой и какой-то старушенцией, она хотела полететь на самолете с друзьями в другую страну, веселиться, не спать допоздна и слать домой открытки с приветами. Но именно это ее желание мы не могли исполнить.

Но я пыталась, Господь свидетель, я пыталась как-то все сгладить.

– Мы можем взять с собой Милли, – продолжала я. – А если получится скопить побольше денег, можем попросить маму Лары, чтобы она отпустила ее с нами.

Ханна молча смотрела на стол.

– Да, это было бы хорошо, – наконец сказала она, а потом с вымученной улыбкой добавила: – Я пойду, сейчас моя программа начнется.

Лиза посмотрела на меня. В ее глазах я прочитала то, что мы обе прекрасно знали: Сильвер-Бей – чудесный маленький город, но даже кусочек рая может опротиветь, если тебе запрещают его покидать.

– Не стоит винить себя, – сказала я, после того как убедилась, что Ханна не может нас услышать. – Ты ничего не можешь сделать. Не сейчас.

За последние несколько лет я столько раз видела, как на лице Лизы мелькает тень сомнения.

– Она справится, – сказала я и накрыла ладонь Лизы своей.

Лиза с благодарностью сжала мою руку.

Я не уверена, что мы тогда в это верили.

На Тине Кеннеди был фиолетовый бюстгальтер с кружевами и четырьмя, может, пятью лиловыми бутончиками роз над каждой чашечкой. Обычно я не замечаю такие детали в течение рабочего дня. У меня не было желания засорять голову мыслями о белье Тины Кеннеди, тем более в такой важный момент. Но Тина, когда остановилась возле босса, чтобы передать ему папку с документами, низко наклонилась и посмотрела прямо на меня. Этот взгляд позже я бы мог охарактеризовать как вызывающий.

Фиолетовый бюстгальтер посылал мне сообщение. Бюстгальтер и увлажненная кремом, чуть загорелая плоть в его чашечках были подарком на память о вечеринке в честь моего продвижения по службе две с половиной недели назад.

Меня не так-то легко напугать, но это была самая пугающая картина из всех, что я видел в своей жизни.

Я непроизвольно нащупал телефон в кармане брюк. Ванесса, моя девушка, за последние полчаса прислала мне три сообщения, хотя я говорил ей, что эта встреча очень важная и мешать не надо. Первое сообщение я прочитал сразу, остальные – когда смог, не привлекая внимания:

Не забудь заказать костюм из «Мэнс Вог» стр. 46. В черном ты будешь великолепен. ХХХ^[9].

Милый пжлст позвони надо обсудить места за столом.

Вжн пзвн до 2 надо дать ответ о туфлях. Жду ХХХ.

Уже второй час я сидел в зале заседаний совета директоров в компании мужчин в деловых костюмах. Неотступающая тревога и духота дарили специфические ощущения.

– Практический результат в такого рода предприятиях зависит от общего потенциала. Мы считаем, что следует объединить генеральный план долгосрочного рынка лакшери с преимуществами более гибкого, краткосрочного рынка. Оба рынка максимизируют потоки доходов не только в летние месяцы, но и в течение всего года.

Телефон снова зажужжал у меня на бедре прямо во время доклада Денниса Бикера, я рассеянно подумал: не слышно ли это жужжание остальным присутствующим. Надо было оставить его Нессе. Она никогда не отступает. Кажется, она совсем не слушала меня утром, когда я говорил ей, что не смогу уйти днем с работы, да и позвонить тоже будет затруднительно. Но вообще-то, в эти дни она ничего не слышала, за исключением слова «свадьба». Ну и, может, «ребенок».

Внизу в сторону Сити тянулась свинцово-серая Ливерпуль-стрит. Если бы я чуть наклонил голову, я бы смог увидеть пешеходов на тротуаре: мужчины и женщины в синем, черном или сером энергично шагали вдоль закопченных кирпичных стен за пластиковыми коробками с ланчем, который они проглотят на своем рабочем месте. Некоторые считают, что эта картинка похожа на крысиные бега, но мне так не кажется. Дресс-код, согласованность в действиях и общие цели всегда дарили мне ощущение комфорта. Даже если целью были деньги.

В спокойные дни Деннис мог показать за окно и спросить: «Как думаешь, сколько он

зарабатывает? Или вот она?» И мы оценивали прохожих, отталкиваясь от таких переменных, как покрой пиджака, модель туфель и походка. Дважды Деннис посылал вниз младшего офисного сотрудника, чтобы проверить, прав он или нет. К моему удивлению, оба раза он был прав.

Деннис Бикер говорит, что все на земле имеет свою цену в денежном эквиваленте. После четырех лет работы с ним я склонен согласиться с этим утверждением.

Прямо передо мной на полированном столе лежал план в переплете. Его глянцевые страницы – свидетельство нескольких недель трудов Денниса, других партнеров и моих, которые мы положили на то, чтобы спасти сделку от гибели. Накануне вечером, когда я в очередной раз просматривал его на предмет возможных ошибок, Несса жаловалась, что я отдаю этому одному-единственному документу больше энергии, чем всем нашим насущным проблемам. Я протестовал, но слабо. С этими глянцевыми страницами я чувствовал себя уверенно. Мне было гораздо комфортнее иметь дело с денежными потоками и прогнозами доходов, чем с постоянно меняющимися планами по поводу выбора цветочной композиции или цветовой гаммы костюмов. Я так и не смог сказать Нессе, что предпочел бы, чтобы она единолично принимала все решения, связанные со свадьбой. Хотя в нескольких случаях я по ее требованию был вовлечен в подготовку и своими неправильными действиями довел ее до истерики. Тут мы словно говорили на разных языках.

– Итак, сейчас мой коллега сделает небольшую презентацию. Только для того, чтобы вы ощутили волнующий аромат очень и очень интересных перспектив.

Тина прошла к противоположной стене зала заседаний и встала возле кофейного столика. Поза у нее была театрально расслабленная. Я не мог не заметить кусочек фиолетовой бретельки. Я закрыл глаза и постарался отогнать внезапно нахлынувшие воспоминания о ее груди, о том, как она прижалась ко мне в мужском туалете бара «Бразилия», и о том, с какой легкостью она избавилась от блузки.

– Майк?

Тина снова смотрела на меня. Я посмотрел выше, а потом, чтобы ее не поощрять, отвел взгляд в сторону.

– Майк? Ты с нами? – В голосе Денниса слышалось легкое раздражение.

Я встал и поправил свои записи.

– Да, – сказал я и повторил более твердо: – Да. – Я улыбнулся сидящим за столом мужчинам с глазами как будто из кремня, этим венчурным предпринимателям из «Вэлланс», пытаясь изображать уверенность и доброжелательность Денниса. – Просто обдумывал пару моментов, о которых ты упомянул. – Затем жестом показал на противоположную стену. – Тина! Свет!

Когда я взял пульт дистанционного управления, снова завибрировал телефон. Тогда я решил отключить его и сунул руку в карман. Глядя в полумраке зала заседаний на Тину, я понял, что она думает, будто мой жест вызван ее присутствием. Губы Тины растянулись в улыбке, она смотрела на мои брюки ниже пояса.

– Итак, – выдохнул я и твердо решил не смотреть на Тину, – джентльмены, вы счастливики, сейчас я продемонстрирую вам то, что мы считаем инвестиционной перспективой десятилетия.

В зале одобрительно загудели. Я им нравился. Деннис уже подзарядил их своим энтузиазмом, и теперь они были готовы услышать от меня список фактов и цифр. Восприимчивые, внимательные, эти люди хотели, чтобы их убедили. Мой отец часто

говорил, что я создан для бизнеса. Но он скорее имел в виду бизнес серых костюмов, а не гиперсексуальный бизнес мегасделок. И хотя я оказался в мире крупного бизнеса, должен признаться, рисковать не любил. Я был мистер Осмотрительность, одним из тех, кто все планирует, взвешивает и анализирует не просто тщательно, а сверхтщательно.

В детстве, прежде чем потратить накопленные карманные деньги, я расходовал уйму времени, взвешивая все плюсы и минусы Экшн-мэна^[10] и его братьев, настолько боялся разочарования, которое следует за неправильным решением. Когда мне предлагали десерт на выбор, я сопоставлял торт, украшенный редким лимонным бeze, с основательно покрытым шоколадом бисквитом и перепроверял: нет ли все-таки в меню малинового желе.

Но это не означало, что у меня не было амбиций. Я точно знал, где хочу оказаться, и рано усвоил истинность поговорки «Тише едешь – дальше будешь». Пока рушились и сгорали более скоростные карьеры моих коллег, я упрямо мониторил инвестиции и процентные ставки, в результате чего обрел стабильное финансовое положение. Так что после шести лет работы в «Бикер холдингс» мое продвижение на должность младшего партнера никак не было связано с моей помолвкой с дочкой босса. Меня ценили как специалиста, который, прежде чем принять решение, всегда безошибочно определит преимущества того или иного объекта по географическим, социальным или экономическим параметрам. Еще две крупные сделки, и я бы стал старшим партнером. Еще семь лет, и Деннис ушел бы в отставку, а я бы занял его место. Я все спланировал.

Именно поэтому мое поведение в тот вечер было таким нехарактерным для меня.

– Я думаю, ты переживаешь запоздалый подростковый бунт, – заметила моя сестра Моника за два дня до совещания.

В качестве подарка на день рождения я повел ее в самый модный ресторан. Моника работала в столичной газете, но в месяц зарабатывала меньше, чем я тратил на чаевые.

– Она мне даже не нравится, – сказал я.

– А с каких это пор секс и симпатия стали синонимами? – фыркнула Моника. – Думаю, я закажу два десерта – крем-брюле и шоколадный. Не могу выбрать. – Я многозначительно посмотрел на сестру, но она проигнорировала мой взгляд. – Это твоя отрицательная реакция на брак. Ты бессознательно хочешь оплодотворить кого-то еще.

– Не говори глупости. – Меня даже передернуло. – Господи! Я как подумаю...

– Ладно. Но ты определенно брыкаешься. Брыкаешься, – повторила Моника, ей это нравилось. – Тебе лучше сказать Ванессе, что ты еще не готов.

– Но она права: я никогда не буду готов. Я не так скроен.

– Так ты предпочитаешь, чтобы она принимала решения?

– В нашей личной жизни – да. Так лучше.

– Настолько лучше, что у тебя возникает желание поиметь кого-то еще?

– Говори тише, ладно?

– А знаешь что? Я, пожалуй, закажу шоколадный. Но если ты закажешь крем-брюле, я возьму у тебя немножко.

– Что, если она расскажет Деннису?

– Тогда у тебя будут большие проблемы, но ты должен был это предвидеть, когда резвился с его секретаршей. Брось, Майк, тебе тридцать четыре года, ты же не мальчик.

Я обхватил голову руками:

– Черт, о чем я только думал.

Моника вдруг развеселилась:

– Боже, так здорово это слышать. Ты не представляешь, как я рада, что ты, как и все мы, способен испортить себе жизнь. Можно я расскажу родителям?

Это воспоминание о триумфе сестры на секунду вырвало меня из реальности, и мне пришлось свериться со своими записями. Я медленно выдохнул и снова посмотрел на сидящих за столом мужчин, которые ждали, что я скажу дальше. Мне показалось, что температура в зале заседаний поднялась до некомфортного уровня. Я оглядел команду предпринимателей: все бледные, ни малейшего намека на то, что кому-то душно. Деннис всегда говорил, что у венчурных предпринимателей, которые занимаются рискованными вложениями капитала, лед в крови. Вероятно, он был прав.

– Как Деннис уже объяснил, – продолжил я, – сильная сторона этого проекта – качество конечного рынка. Потребители, на которых рассчитан наш проект, жаждут новых ощущений. У них есть собственность, но мало времени, и они ищут способы потратить свои деньги. Наш проект предложит таким людям не только номера, качество которых не оставит сомнений в принадлежности к лучшему сегменту рынка, но и самые разные варианты досуга в непосредственно окружающей их среде.

Я нажал на кнопку пульта, на экране появились картинки, которые только утром переслал художник. Они сработали как турбонаддув.

– Здесь будет построен самый современный спа-курорт: шесть бассейнов разного типа; медицинский персонал, работающий на постоянной основе; полный спектр услуг. Если вы откроете страницу тринадцать, то сможете рассмотреть это место более подробно, равно как и полный перечень предлагаемых услуг. Для тех же, кто предпочитает получить ощущение собственного процветания иным способом, главной достопримечательностью всего комплекса является центр, посвященный исключительно водному спорту. Там будут водные мотоциклы, вейкбординг, быстроходные катера и водные лыжи. А также спортивная рыбалка. Кроме этого, будут организованы индивидуальные выходы в море с инструкторами из ПАДИ^[11]. Мы убеждены, что оборудование топ-класса в сочетании с высококвалифицированным персоналом подарят нашим клиентам незабываемые впечатления о путешествии.

– Не говоря уже о жилом комплексе, который станет символом роскоши, – вставил Деннис. – Майк, покажи картинки архитектора. Как вы можете видеть, здесь три уровня номеров: для состоятельных одиночек, для семей и пентхаус для ВИПов. Вы заметите, что мы обходим вопрос бюджета. У нас уже имеется...

– Я слышал, вы потеряли участок под строительство, – сказал кто-то в конце зала.

Наступила тишина.

«О боже», – подумал я.

– Тина, включи свет. – Это был голос Денниса.

Я подумал, что он собирается ответить, но он вместо этого смотрел на меня.

Я сделал безучастное лицо. Это у меня всегда хорошо получалось.

– Извини, Невиль, я не расслышал. У тебя какой-то вопрос?

– Я слышал, что этот курорт планировалось построить в Южной Африке, но вы потеряли участок. Здесь, в этом документе, ни слова о том, где все это планируется строить теперь. Вряд ли вы можете рассчитывать, что мы инвестируем в строительство, под которое еще не найдено место.

Невиль застал нас врасплох. Как, черт возьми, они узнали о провале в Южной Африке?

Сначала я услышал свой голос, прежде чем успел понять, что говорю:

– Не знаю, откуда у вас информация, но Южная Африка никогда не была для нас единственным вариантом. После детального анализа мы пришли к выводу, что это место не подходит для отдыха, на который рассчитывают наши клиенты. Мы занимаемся специализированным рынком^[12] и...

– Почему?

– Что – почему?

– Почему не подходит Южная Африка? Насколько я понимаю, это одно из самых быстроразвивающихся и привлекательных мест для туристов.

Моя сорочка от «Турнбул энд Асер» прилипла к пояснице. Я колебался, так как не знал, известно ли Невиллю о нашей последней несостоявшейся сделке.

– Политика, – вмешался Деннис.

– Политика?

– От аэропорта до курорта трансфер занял бы полтора часа. И какой бы маршрут мы ни выбрали, он бы проходил через... назовем это... менее богатые районы. Наши исследования говорят о том, что клиенты, заплатившие высокую цену за отдых класса лакшери, не желают сталкиваться с нищетой. Они из-за этого...

«Пожалуйста, только не смотри с сочувствием на их секретаря», – мысленно умолял я Денниса. Слишком поздно. Деннис лучезарно улыбнулся, его улыбка была приторной и неоднозначной одновременно.

– ...чувствуют дискомфорт, а мы совсем не хотим, чтобы наши клиенты испытывали подобные эмоции на отдыхе. Радость – да. Возбуждение – да. Удовлетворение – конечно. Но чувство вины и дискомфорт при виде их... цветных собратьев – нет.

Я закрыл глаза. И чернокожая секретарша – я это скорее почувствовал, чем увидел, – тоже.

– Нет, Невиль, политика и отдых класса лакшери не сочетаются. – Деннис глубокомысленно покачал головой, словно изрекал непреложную истину. – А это детальный анализ, который провели, прежде чем приступить к проекту. И мы в «Бикер холдингс» гордимся проделанной работой.

– Так, значит, у вас в запасе альтернативный вариант?

– Не в запасе, а уже подписан и скреплен печатью, – подхватил я. – Это место несколько в стороне, но зато там нам не грозят потенциальные опасности Южной Африки и стран третьего мира. Население в большинстве своем англоязычное, великолепный климат, и это, уверяю вас, одно из самых красивых мест на свете. И ты, Невиль, по роду своей деятельности знаешь, что в мире существуют действительно прекрасные места.

«Эр-Джи-Ви лэнд» увели место для застройки у нас из-под носа. Кто-то выдал конфиденциальную информацию «Вэлланс».

«Если „Эр-Джи-Ви лэнд“ начинают проект, подобный нашему, обратятся ли они в „Вэлланс“ за финансированием? – лихорадочно думал я. – Они решили сорвать нашу сделку?»

– Не могу посвятить вас во все детали, – спокойно продолжал я, – но на доверительной основе сообщаю, что мы обнаружили некоторые неблагоприятные моменты, касающиеся строительства в Южной Африке, которые предполагают понижение доходов в будущем. А мы, как вы знаете, работаем для того, чтобы их максимизировать.

Честно говоря, я почти ничего не знал о новом месте под строительство курорта. От безысходности мы воспользовались услугами агента по продаже земельных участков, старого товарища Денниса, и сделка была заключена всего два дня назад. Я терпеть не мог «летать по приборам».

– Тим, – я улыбнулся, – ты знаешь, что, когда дело доходит до анализа, я становлюсь жутко занудным и что для меня нет лучшего чтения перед сном, чем наши исследования. Поверь, если бы я считал, что проект в Южной Африке со временем станет прибыльным, я бы не расстался с ним с такой радостью. Но я бы хотел пойти дальше...

– Майк, всем, конечно, интересно, что ты читаешь перед сном, но было бы полезно, если бы...

– ...и в действительности все дело в прибыли. Это определяющий фактор.

– Никто не думает о прибыли больше, чем мы, но...

Деннис поднял свою пухлую ладонь:

– Тим, остановись. Больше ни слова, потому что, перед тем как мы пойдем дальше, я хочу показать вам кое-что еще. Джентльмены, если вы не против, давайте пройдем в соседний зал, немного развлечемся, а потом мы расскажем вам, где именно будет строиться наш комплекс.

Когда я шел за венчурными предпринимателями в соседний зал, мне совсем не казалось, что развлечение стоит первым пунктом в их повестке дня. Некоторые были явно недовольны тем, что их выдернули из удобных кожаных кресел вокруг стола в зале заседаний, и что-то тревожно бормотали друг другу. Но с другой стороны, я появился на полчаса позже и не был в курсе того, что задумал Деннис.

«Господи, пожалуйста, только не позволяй ему выставлять перед ними Тину в бикини», – мысленно умолял я. Меня все еще преследовали видения с гавайской хулой^[13].

Но Деннис придумал нечто иное. Из зала заседаний номер два убрали стол, кресла и опускающийся экран, избавились от двухсторонней видеосвязи и сервировочного столика в углу. Вместо всего этого в центре зала был установлен какой-то низкий и широкий аппарат, окруженный синим надувным тубингом. Центром композиции была ярко-желтая доска для серфинга. У меня появилось дурное предчувствие.

Все буквально остолбенели, настолько неуместной была эта инсталляция в зале заседаний.

– Джентльмены, снимайте ваши туфли и готовьтесь к хэнг тэн!^[14] – Деннис указал на устройство в центре зала. – Это имитатор серфинга, – объявил он, так как на его первый призыв никто не отреагировал.

Тишину в зале нарушало только приглушенное гудение компрессора. Имитатор, как инопланетное существо в сером море, бодро подмигивал лампочками, предлагая сопроводить эксперимент любой песней из репертуара «Бич бойс».

Я видел выражение лиц инвесторов и решил, что лучший способ спасти ситуацию – отвлечь их внимание на себя.

– Леди и джентльмены, не желаете ли для начала перекусить? Может, выпить что-нибудь? Тина, ты не возражаешь?

– Все, что пожелаешь, Майк, – ответила Тина, лениво смерив меня взглядом.

Я готов был поклясться, что она покачивала бедрами, когда выходила из зала, но Деннис этого не заметил.

– Джентльмены, я всего лишь хочу продемонстрировать вам, насколько трудно

отказаться от нашего предложения. Я уже успел попробовать, – признался Деннис и скинул туфли. – Это действительно очень весело. Если у вас не хватает смелости, я сам покажу, как это работает. Надо встать вот сюда...

Деннис снял пиджак, и его живот свесился через пояс, а я уже не в первый раз поблагодарил Бога за то, что Ванесса пошла в мать.

– Начну с маленькой волны. Видите? Это легко.

Под песню «I Get Around» мой босс, который в последние три года держал под контролем инвестиции в недвижимость на семьдесят миллионов фунтов и у которого на столе стояли фото, где он пожимал руку Генри Киссинджеру^[15] и Алану Гринспену^[16], встал на доску для серфинга. Он поднял руки, пародируя бодибилдера, и мы все увидели темные пятна от пота у него под мышками. Всем было известно, что за шутовским поведением Деннис скрывает острый, как лезвие, ум дельца... Но в такие моменты у меня возникали сомнения на этот счет.

– Включай, Майк.

Я оглянулся на стоящих за спиной и попытался улыбнуться. Я не был уверен, что это хорошая идея. Мне казалось, что мы должны продемонстрировать инвесторам нечто иное.

– Вставь вилку в розетку, Майк, а я сделаю все остальное. Ну же, Тим, Невиль, не притворяйтесь, будто вам не хочется попробовать.

Доска для серфинга вздрогнула и начала медленно двигаться. Деннис согнул колени, выставил руку вперед и пошевелил пальцами.

– Джентльмены... я... еще... не сказал вам... что такие имитаторы... будут... упс! – Деннис пошатнулся, но удержал равновесие. – Вот так... Такие имитаторы будут предложены нашим клиентам, чтобы они могли подучиться, прежде чем выйти на воду. Так сказать, полный пакет.

Деннис, постоянно прерываясь, сказал, что даже те, кто ни разу в жизни не вставал на доску, будут иметь возможность попрактиковаться в приватной обстановке, прежде чем их увидят другие отдыхающие. Не знаю, что явилось причиной – то, что частью нашего предложения был этот нелепый имитатор, или заразительная веселость Денниса, – но спустя несколько минут даже я вынужден был признать, что он перетянул их на свою сторону. Я наблюдал за тем, как Тим и Невиль, потягивая предложенное Тиной шампанское, медленно подбираются к имитатору.

Их финансист, румяный здоровяк Симонс, успел снять туфли (я с удивлением заметил, что у него заношенные носки), а два младших члена их команды зачитывали друг другу словечки из словаря сленга серфингистов, который заблаговременно приготовила Тина.

У Денниса было воображение, надо отдать ему должное.

– А что будет, если мы повысим уровень, Деннис? – с улыбкой поинтересовался Невиль.

Я подумал, что это, наверное, хороший знак.

– Тина даст вам... каталог, – задыхаясь, отвечал Деннис. – Думаю... я... упс!.. Поймаю паундер^[17].

Невиль подошел еще ближе. Он снял пиджак и передал свой бокал секретарю.

– Какой уровень выбираешь, Деннис?

Я понял, что у Невилля конкуренция в крови.

Но и Деннис был таким же азартным.

– Выбирай какой хочешь, Нев. Давай, повышай уровень! – кричал он, на его лице выступили капельки пота. – Посмотрим, кто сможет поймать самую большую волну?

– Давай, Майк, – скомандовал Невиль.

Я улыбался. Эти двое явно получали удовольствие от происходящего. Деннис все правильно предугадал: имитатор отвлек их внимание от слухов по поводу Южной Африки.

– Мне всегда было любопытно, что это за игрушка такая, – сказал Тим и тоже скинул пиджак.

Имитатор взвыл и начал вибрировать под весом Денниса.

– Дружище, ты какой уровень включил?

– Третий, – ответил я и мельком взглянул на дисплей. – Вообще-то, я не думаю, что...

– Брось, мы еще не на такое способны. Поднимай волну, Майк. Давай посмотрим, кто простоит дольше.

– Да, повышай уровень, – хором поддержали серые пиджаки из «Вэлланс», от их напускной сдержанности не осталось и следа.

Я посмотрел на Денниса, он кивнул и показал на дисплей:

– Да, старик, подними волну.

– Ты стокед^[18], Деннис! Волны гнарли^[19], но ты – стокед!

Несмотря на видимую веселость, Деннис начал потеть еще сильнее. Он старался улыбаться, но я заметил, что в его глазах мелькнуло отчаяние. Доска раскачивалась все быстрее, Деннис с трудом удерживал равновесие.

– Не хочешь, чтобы я немного снизил уровень? – предложил я.

– Нет! Нет! Я стокед! Сколько я продержался на четвертом, ребята?

– Переведи его на пятый! – крикнул Невиль. Он шагнул вперед и схватился за дисплей. –

Посмотрим, как он оседлает... э-э... кранчер!^[20]

– Я не стану... – начал я.

Уже потом никто не мог сказать, как именно это произошло. Деннис был одним из немногих в зале, кто не прикасался к шампанскому. По какой-то непонятной причине имитатор перескочил на верхний уровень как раз в тот момент, когда Деннис не очень устойчиво стоял на ногах. В результате его отбросило на надувные подушки, после чего он с диким криком и фантастической для человека его веса скоростью пролетел через зал и приземлился на бедро.

Бедро, естественно, сломалось. Те, кто не предполагал, что за таким приземлением может последовать перелом, услышали тошнотворный хруст. Не думаю, что когда-нибудь смогу забыть этот звук. После того как я его услышал, у меня пропало всякое желание опробовать имитатор серфинга. Как я уже говорил, я по природе своей не любитель рисковать.

В зале заседаний номер два воцарился хаос. Все пришло в движение. Тревожные восклицания и крики «Вызовите скорую!» смешивались с воем вращающейся вокруг своей оси доски для серфинга.

– Австралия, да? – сказал Невиль, когда Денниса понесли на носилках к лифту. – Незабываемая презентация. Мы определенно заинтересованы. Когда выйдешь из больницы, поговорим об этом проекте подробнее.

– Майк пришлет тебе копию отчета о месте строительства. Пришлешь, Майк? – Деннис говорил сквозь сжатые зубы, лицо у него посерело от боли.

– Конечно. – Я постарался отвечать так же уверенно, как говорил Деннис.

Когда Денниса загружали в «скорую», он жестом подозвал меня ближе к себе.

– Я знаю, о чем ты думаешь, – шепотом сказал он. – Тебе придется его сделать.

– Но время... Свадьба...

– Это я утрясу с Ванессой. В любом случае тебе лучше не мешаться под ногами, пока она планирует церемонию. Забронируй рейс на сегодня. И ради бога, Майк, возвращайся с планом – таким, чтобы это место заработало.

– Но мы даже не...

– Я придержу их, пока у тебя все не сложится. Но ты помни – это наш самый крупный проект застройки. Докажи, что я не зря тебя повысил, сделай это, Майк.

Ему даже в голову не пришло, что я могу отказаться. Что я могу поставить свою личную жизнь выше интересов компании. Но с другой стороны, он был прав. Я человек компании. Надежная пара рук. Я забронировал рейс в тот же день. Бизнес-класс в одной из азиатских компаний был дешевле, чем экономкласс в первых двух вариантах перелета.

В какое время дня нормально начать пить пиво? Если ориентироваться на моего старика – в любое время после полудня. Он поглощал пиво, как мама чашечки чая, открывал «Тухес»^[21] примерно каждые два часа, когда устраивал перекур на стройке очередного дома.

Отец был здоровым парнем, никогда нельзя было понять, сколько он выпил. Мама считала, что это потому, что отец постоянно находился под градусом. Днем – веселый; за чаем – полный энтузиазма; утром – немного смурной после вчерашнего. Нам не посчастливилось увидеть его трезвым как стеклышко.

Я считаю, нормальное время – около двух дня. Это если я не работаю, если работаю, пить начинаю только после того, как приведу «Милую Сьюзен» к берегу. За штурвалом вы меня не поймаете пьяным, я небезгрешен, но не стану рисковать моей лодкой и моими пассажирами. Конечно, холодное пиво у Кэтлин после трудового дня, солнце в зените и чипсы на столе – этому я не могу противостоять. Не знаю, кто может от такого отказаться. Ну если не считать мою бывшую.

Сьюзен послушать, так мне ни в какое время суток пить нельзя. Она говорила, что пьяный я злой и мерзкий, и к тому же пьян слишком часто, чтобы как-то это загладить. Говорила, что поэтому больше не может меня видеть. И еще говорила, что из-за выпивки я стал фигово выглядеть. Говорила, что поэтому у нас нет детей, хотя сама наотрез отказалась, когда я предложил поехать к доктору, чтобы он нас обследовал и как-то все прояснил. Я сказал ей (я не ангел и первый признаю, что со мной нелегко в браке), что в Австралии не так-то много парней, которые согласятся, чтобы кто-то посторонний теребил их причиндалы, тем более другой парень.

Вот так сильно я хотел детей. И вот почему я, когда выходил из офиса своего адвоката в одиннадцать двадцать пять (удивительно, как внимательно начинаешь следить за временем, когда платишь за час, а расценки субботние), решил, что это подходящее время открыть банку холодного «VB». Погода была не очень, пришлось даже свитер надеть, а ветер поднялся такой, что, сидя на лавочке, можно было и околеть.

Думаю, это пиво было из-за нее, да и всего остального тоже. Из-за нее, из-за ее чертового инструктора по фитнесу, из-за ее тупых требований. Потому что, честно говоря, вкус у него был не лучший. Я собирался выпить одну банку в пабе, но, поразмыслив, решил, что сидеть в пабе одному в одиннадцать двадцать пять утра как-то... грустно.

Поэтому я сел в кабину своего грузовичка и немного медленнее, чем мог бы, потягивал пиво и ждал, когда внутри спадет напряжение и часы потекут легко и быстро. В тот день у меня не было клиентов. Должен признать, что, после того как я расписал свою лодку, их количество заметно уменьшилось. В уик-энд Лиза помогла мне закрасить каракули на борту и между делом сказала, что, если я буду держать рот на замке, через неделю или две все об этом забудут. Я и помалкивал. Я настроился работать, как чертов вол, чтобы оплатить требования, которые предъявила моя бывшая.

«Чистый разрыв» – так они это называют.

Так же говорят доктора, когда речь заходит о порванных связках. Могу вам сказать, что именно так я это и чувствовал. Было настолько мучительно, когда я думал об этом слишком

долго, что становилось больно физически.

Но в тот момент я сидел в кабине своего грузовичка на автостоянке и наблюдал за туристками, которые спускались на высоких каблуках к Китовой пристани. Они крепко держали в руках видеокамеры и плееры с компакт-дисками китовых песен и с тревогой поглядывали на «Сьюзен», как будто она могла выпрыгнуть из воды и обнажить на своем борту еще какую-нибудь греховную надпись.

Если бы у меня не было других планов на день, я бы сам вышел на ней в море. Даже после пива. Я обнаружил, что иногда достаточно просто посидеть на лодке в заливе, понаблюдать за бутылконосами, и тебе станет легче. Дельфины высовывают из воды свои морды с глупыми улыбками, как будто бы шутят с тобой, и порой ты просто не можешь сдержаться и смеешься, даже если только что хотел перерезать себе вены. Я думаю, мы все, все команды, чувствуем что-то такое. Мы знаем, что это самые лучшие моменты в нашей жизни – тихое море, ты и дельфины.

– Ну, у вас хоть детей нет, – заметила адвокат, когда рассматривал наш совместный счет.

Она сама не поняла, что ляпнула.

Я заметил его, когда прикончил вторую банку пива, смял ее в кулаке и собрался бросить под пассажирское сиденье. Вы бы тоже его сразу заметили. Он стоял в своем темно-синем костюме конторской крысы – два чемодана в цвет по бокам – и смотрел в сторону главной улицы. Я смотрел на него, пока он тоже меня не засек, и только потом высунул голову в окно.

– Приятель, у тебя все в порядке?

Он поколебался немного, затем поднял свои чемоданы и пошел в мою сторону. Его зашнурованные ботинки блестели так, будто их начистили до конца оставшейся жизни. Обычно я не вступаю в разговоры с такими типами, но у него был измотанный вид, и я пожалел его. Как один измотанный другого.

Он подошел к моему окну, поставил чемоданы на землю и достал из кармана листок бумаги.

– Кажется, таксист высадил меня не в том месте. Вы не могли бы подсказать, где здесь поблизости отель?

Англичанин. Можно было сразу догадаться. Я, прищурившись, посмотрел на него и сказал:

– Тут их несколько. Тебе в каком конце Сильвер-Бей отель нужен?

Он снова сверился со своей бумажкой:

– Здесь написано... э-э... просто – Сильвер-Бей-отель.

– У Кэтлин? Это не совсем отель. То есть больше не отель.

– Далеко туда идти?

Тут, наверное, мое любопытство взяло верх. В наших краях нечасто встретишь парня, разодетого как франт.

– Это дальше по дороге. Запрыгивай. У меня там тоже дела. Можешь закинуть свои сумки в кузов.

Я увидел по его лицу, что он колеблется, как будто в предложении подвезти может быть что-то подозрительное. А может, он не хотел, чтобы его модные чемоданы испачкались об мои воняющие водорослями инструменты. Это меня немного разозлило, и я чуть не передумал подвозить его. Но он все-таки оттащил свой багаж назад и закинул в кузов. После этого забрался ко мне в кабину и напрягся, наткнувшись на кучу пустых банок из-под пива.

– Можешь ставить ноги прямо на банки, пива там давно нет, но я ничего не гарантирую.

Название «Сильвер-Бей» не совсем точное. Это не один залив, а два, с Китовой пристанью посередине. Пристань торчит из небольшого куса суши, который их и разделяет. Я, бывало, говорил, что сверху море в этом месте похоже на гигантскую синюю задницу. (Сьюзен, услышав такое, подняла бы удивленно брови, но, с другой стороны, что бы я ни говорил, она всегда их поднимала.)

Участок Кэтлин был в самом конце одного из заливов, того, который дальше от города, возле мыса, что выходит прямо в открытое море. Вообще-то, там остался только старый дом Буллена, музей и песчаные дюны. По другую сторону Китовой пристани были гриль-бар Макивера, рыбный рынок, а уже дальше тянулся разрастающийся с каждым годом город.

Парень сказал, что его зовут Майк, фамилию я забыл. Он был не очень-то разговорчив. Я спросил его, мол, по делам приехал или как? Он ответил: «В основном отдыхать». Помню, я тогда подумал: какой парень так вырядится в свой отпуск? Он сказал, что только утром сошел с самолета и хотел взять заказанную машину, но в прокатной компании что-то напортачили и в результате пообещали, что завтра перегонят его машину из Ньюкасла.

– Долгий перелет, – заметил я.

Он кивнул.

– Бывал здесь раньше?

– В Сиднее. Один раз. Но недолго.

На вид ему было слегка за тридцать. Для парня в отпуске он слишком уж часто поглядывал на часы. Я спросил, как получилось, что он забронировал номер у Кэтлин.

– Там не очень-то оживленно, – заметил я и многозначительно посмотрел на его дорогой костюм. – Я думал, такие, как ты, предпочитают места... ну, ты понимаешь... пошикарнее.

Он смотрел прямо перед собой, как будто обдумывал ответ.

– Я слышал, что место красивое. Смог найти только этот отель.

– На самом деле тебе больше подошел бы «Блу Шоалс» выше по побережью, – сказал я. – Очень милое местечко. Ванные комнаты в номерах, бассейн прямо олимпийский и все такое прочее. Еще у них там с понедельника по четверг шведский стол – ешь сколько влезет. Пятнадцать долларов с человека, кажется, да, пятнадцать. В пятницу цена немного поднимается. – Я крутанул руль, чтобы объехать выбежавшую на дорогу собаку. – Есть еще «Адмирал», это в Нельсон-Бей. Спутниковое телевидение в каждом номере, достойные каналы, не фигня какая-нибудь. В это время года можешь выгодно заселиться – я слышал, у них там сейчас никого.

– Спасибо, – в результате сказал он. – Если решу переехать, это может пригодиться.

После этого мы практически и не разговаривали. Я вел машину и чувствовал некоторое раздражение из-за того, что этот парень даже не пытается завязать разговор. Я его подобрал, вез всю дорогу до нужного места – такси обошлось бы ему в добрых десять долларов, – выдал полную информацию о местности, а он даже не пытался со мной поговорить.

Я уже почти придумал, что сказать, – видимо, это меня пиво расслабило – и тут заметил, что он заснул. То есть не задремал, а вообще вырубился. Даже бизнесмен в дорогом костюме выглядит беспомощным, когда клюет носом. Почему-то от этой картинке мне стало легче на душе, и я обнаружил, что насвистываю всю дорогу до Сильвер-Бей.

Кэтлин отлично украсила стол. Свежий ветер раздувал белую камчатную скатерть, синие воздушные шары трепетали, пытаясь сорваться в небо.

Ниже, под самодельным транспарантом «С днем рождения, Ханна!», виновница

торжества с компанией своих друзей визжала и прыгала перед каким-то парнем со змеей вокруг руки.

На минуту я забыл о госте у себя в кабине. Я выбрался из грузовичка и, пока шел по подъездной дорожке, вспомнил, что праздник начался уже час назад.

– Грэг. – Когда Кэтлин вот так окидывала тебя взглядом с головы до ног, сразу становилось ясно: она точно знает, откуда ты пришел. – Хорошо, что ты сделал это.

– А кто это там? – Я кивнул в сторону парня со змеей.

– Учитель существ, кажется, так он себя называет. Всех ползучих гадов, какие только можешь себе представить. У него и гигантские тараканы, и змеи, и тарантулы... Он позволяет детям брать их в руки, гладить и все такое. Это Ханна попросила его пригласить. – Кэтлин передернуло. – Надо же такую мерзость придумать.

– Да, в моем детстве мы давили их «Бладстоунами»^[22], – согласился я.

Ребятишек было восемь и еще несколько взрослых, большинство из других команд. В этом не было ничего удивительного: Ханна – забавная девочка, она рано повзрослела, и мы все привыкли, что она постоянно крутится рядом. Так повелось еще с той поры, когда она даже в школу не ходила.

А вот наблюдать Ханну в компании ее ровесников было непривычно. Я, если не считать девочку по имени Лара, ее, в общем-то, никогда и не видел со сверстниками и часто забывал, что она на самом деле ребенок. Лиза говорила, что Ханна такая по натуре – сама по себе. Я иногда думал: о дочке она говорит или о себе?

Кэтлин предложила мне чашку чая, я взял и понадеялся, что она не почувствовала, что от меня пахнет пивом. Это как-то неправильно на детском дне рождения, а я очень любил детей.

– Твоя лодка теперь выглядит лучше. – Кэтлин улыбнулась.

– Я думаю, ты знаешь, что Лиза помогла мне заново написать имя.

– Твой характер не доведет тебя до добра, – буркнула Кэтлин. – Большой уже мальчик, сам должен понимать.

– Это ты мне мораль читаешь?

– Ну, значит, ты не такой пьяный.

– Одна банка, – запротестовал я. – Только одна. Может, две.

Кэтлин посмотрела на часы:

– А сейчас всего лишь начало первого. Ладно, ничего страшного, тебе на пользу.

Тут Леди Акуле надо отдать должное. Она так говорит, будто все про тебя понимает. Лиза не такая. Она смотрит на тебя отстраненно, будто у нее в голове идет совсем другой разговор. А когда спрашиваешь ее, о чем она думает (видеть в ней женщину – вот что она не разрешает вам!), она пожимает плечами, словно ничего и не происходит.

– Привет, Грэг! – на бегу крикнула сияющая от счастья Ханна.

Я помню это состояние, когда ты маленький, у тебя день рождения и в этот единственный день в году все вокруг ведут себя так, как будто ты самый особенный ребенок на земле. Ханне хватило одной секунды, чтобы заметить коробочку у меня под мышкой. Эта девочка – ангел и совсем неглупая.

– Ах это, это для твоей тети Кэтлин, – сказал я.

Ханна остановилась прямо передо мной и с недоверием на меня посмотрела.

– А почему в детской обертке? – спросила она.

– Неужели в детской?

– Это мне, – рискнула Ханна.

– Ты хочешь сказать, что твоя тетя Кэтлин слишком старая для такой обертки? – спросил я и сделал невинное лицо.

Со Сьюзен это тоже никогда не срабатывало. Ханна смотрела на пакет и гадала – что бы там могло быть. Эта девочка не как все дети, она сначала думает, потом действует. Я больше не мог заставлять ее ждать и отдал ей пакет.

Ханна разорвала обертку и открыла коробочку. Ее окружили подружки. Я заметил, как они все подросли. Куда делись ножки-палочки и пухлые щечки? Еще года два, и в них можно будет угадать будущих женщин. Я постарался отогнать грустные мысли о том, что кто-то из них может стать такой же, как Сьюзен, – вечно недовольной, придирчивой... и неверной.

– Это ключ, – сказала Ханна и подняла его над головой. – Я не поняла.

– Ключ? – переспросил я и притворился, будто сам удивлен. – Ты уверена?

– Грэг...

– Ты уверена, что не узнаешь его?

Ханна покачала головой:

– Это ключ от моего сарайчика.

Ханна нахмурилась, она все еще не понимала.

– От того, что возле пристани. Вот я болван, наверное, оставил там твой подарок. Можешь сбежать туда с друзьями и проверить...

Они побежали, я даже не успел закончить предложение. Поскакали к пристани с криками и визгами. Кэтлин вопросительно на меня посмотрела, но я промолчал. Иногда просто хочется посмаковать момент, а у меня в то время такие моменты были на вес золота.

Спустя несколько минут вся компания примчалась обратно.

– Это лодка? Это та маленькая лодка? – Ханна раскраснелась, ее волосы спутались от бега.

У меня перехватило дыхание: она была так похожа на свою мать.

– Ты видела, как я ее назвал?

– «Гордость Ханны», – задыхаясь, сообщила Кэтлин Ханна. – Это синий динги, и его зовут «Гордость Ханны». Это правда мне?

– Конечно тебе, принцесса, – сказал я.

Улыбка Ханны осветила мое паршивое утро. Она обняла меня, я прижал ее к себе и улыбался, как счастливый идиот.

– Мы можем на ней поплавать? Я могу на ней поплавать, тетя Кей?

– Только не сейчас, милая. Сейчас тебе надо разрезать торт. Но я уверена, что ты сможешь посидеть в ней в сарайчике Грэга.

Дети побежали по тропинке, и я слышал, как Ханна радостно щебечет что-то на бегу.

– Лодка? – спросила Кэтлин, когда Ханна уже не могла нас услышать, и подняла одну бровь. – Ты с Лизой об этом говорил?

– Э-э... нет еще. – Я смотрел, как дети бегут вниз к моему сарайчику. – Но, кажется, у меня сейчас будет такая возможность.

Лиза шагала в нашу сторону с праздничным тортом на блюде, следом за ней бежала ее маленькая собачонка. Лиза была прекрасна. И как всегда, у нее был такой вид, будто она идет куда-то еще, но в последний момент решает иначе и останавливается рядом с тобой, ну, вы понимаете, как будто делает тебе одолжение.

– Привет. Я повесила тот кусок китового уса у нее в комнате. Над кроватью, как она

хотела. – Лиза кивнула мне в знак приветствия. – Вонь стоит до небес. Теперь у нее четыре книжки про дельфинов, две про китов и еще видео. Такими темпами она скоро откроет свой музей. В жизни не видела комнаты, где собрано столько безделушек с дельфинами. – Она распрямила плечи и вытянула шею. – Куда это дети побежали?

– Ты, наверное, захочешь поговорить об этом с Грэгом, – сказала Кэтлин и пошла от нас, при этом подняла руку так, словно давала знать, что не хочет присутствовать при разговоре.

– Они... э-э... побежали смотреть мой подарок.

Лиза поставила блюдо на стол.

– Да? И что же ты ей подарил? – поинтересовалась она и начала снимать пленку с сэндвичей.

– Купил у старика Картера. Маленькая гребная лодка. Я ее надраил и подкрасил. Она в отличном состоянии.

Лизе потребовалась целая минута, чтобы усвоить то, что я сказал. Она молча смотрела на стол, потом подняла голову и уставилась на меня.

– Повтори, что ты ей подарил?

– Маленькую лодку. Теперь у нее будет своя. Я думаю, после нескольких уроков она сможет выйти в залив с друзьями и посмотреть на бутылконосов. – Признаюсь, меня немного напугало выражение лица Лизы, поэтому я добавил: – Когда-нибудь же у нее должна появиться своя лодка.

Лиза поднесла сложенные ладони ко рту, как будто молилась. Но она явно не собиралась меня благодарить.

– Грэг?

– Что?

– У тебя последние мозги отказали?

– Чего?

– Ты купил моей дочери лодку? Моей девочке, которой запрещено выходить в море? О чем ты, черт тебя возьми, думал? – Лиза не на шутку разозлилась.

Я тупо смотрел на нее и не мог поверить, что она это всерьез.

– Я всего лишь побаловал девочку в ее день рождения.

– Не твое дело баловать мою дочь в ее день рождения.

– Она живет на море. У всех ее друзей есть маленькие лодки. Почему ей нельзя?

– Потому что я сказала ей, что нельзя.

– Но почему? Какой вред от лодки? Она ведь может научиться, разве нет?

– Она будет учиться, когда я буду готова к тому, чтобы она училась.

– Ей одиннадцать лет! Чего ты так злишься? В чем дело-то?

Лиза не отвечала, и тогда я показал на Ханну, которая стояла у дверей моего сарайчика.

– Посмотри на нее – она же чуть не прыгает от радости. Она сказала своим друзьям, что это самый лучший подарок на день рождения в ее жизни.

Лиза не желала ничего слышать, она просто стояла напротив меня и кричала:

– Да! А теперь я должна превратиться в злую ведьму, которая запрещает ей принять этот подарок! Спасибо тебе огромное, Грэг!

– Так не запрещай. Пусть у нее будет лодка. Мы ее всему научим.

– Мы?

Вот тогда-то и возник Майк. Я успел забыть, что он спит в моей машине. И вот он появился: лицо еще помято после сна, в руках чемоданы, стоит и не знает, куда себя девать. Я

бы с радостью послал его подальше.

Но Лиза его не заметила, она продолжала бушевать:

– Ты, Грэг, должен был сначала спросить меня, а потом уже пытаться завоевать любовь маленькой девочки с помощью этой проклятой лодки. Потому что это единственное, что ей запрещено иметь последние пять лет.

– Это всего лишь маленькая гребная лодка. Не какой-нибудь быстроходный катер с двигателем в двести лошадиных сил.

Теперь уже и я разозлился на Лизу. Получалось, что она обвиняет меня в том, что я пытался навредить ее ребенку.

– Простите... Не могли бы вы...

Лиза стояла спиной к англичанину, она, не оглядываясь, подняла руку и продолжила:

– Просто не лезь в мою жизнь, ладно? Я сто раз тебе говорила, что не хочу с тобой никаких отношений, и то, что ты подлизываешься к моей дочери, это не изменит.

Наступила пауза. Видит бог, она знала, что мне будет больно.

– Подлизываюсь? – Мне даже повторять это было противно. – Я подлизываюсь? Да за кого ты меня принимаешь?

– Просто уйди, Грэг.

– Простите, что я вас перебиваю...

– Мам?

Ханна стояла рядом с этим англичанином, от счастливой улыбки именинницы не осталось и следа. Она переводила взгляд с меня на Лизу и обратно.

– Почему ты ругаешь Грэга? – тихо спросила Ханна, зрачки у нее стали широкими, как будто бы Лиза ее напугала.

Лиза сделала глубокий вдох.

– Я бы... э-э... мне кто-нибудь может показать, где найти администратора?

Лиза вдруг поняла, что мы не одни. Раскрасневшаяся от собственного крика, она повернулась к англичанину и переспросила:

– Администратора? Вам надо поговорить с Кэтлин, она вон там. Леди в синей блузке.

Он попытался улыбнуться, пробормотал что-то про английский акцент и, чуть помешкав, исчез из поля зрения.

Ханна все еще стояла рядом со мной. Когда она заговорила, у нее был такой тихий печальный голос, что мне захотелось отвесить ее маме оплеуху.

– Я правильно понимаю? Это значит, что мне нельзя оставить себе лодку?

Лиза резко повернулась в мою сторону, и я как физический удар ощутил все, что она обо мне думала. Это было не очень приятно.

– Мы поговорим об этом позже, милая.

– Лиза, – ради Ханны я старался говорить доброжелательно, – я и в мыслях не держал...

– Мне это неинтересно, – оборвала меня Лиза. – Ханна, скажи своим друзьям, что пришло время торта. – Ханна не двинулась с места, и Лиза махнула рукой. – Иди же, а я посмотрю, сможем ли мы зажечь свечи. С таким ветром это будет непросто.

Я положил руку на плечо Ханны:

– Твоя лодка всегда будет ждать тебя в моем сарайчике. Как только будешь готова – забирай. – Я не собирался сдавать позиции.

После этого я развернулся и зашагал прочь. Я не горжусь тем, что тогда бормотал себе под нос.

Йоши перехватила меня у грузовика.

– Грэг, не уходи, – попросила она. – Ты же знаешь, как она из-за всего этого волнуется. Не надо портить день рождения Ханны.

Она примчалась из кухни, чтобы остановить меня, и у нее в руке все еще был подарочный пакет.

Я хотел сказать, что это не я могу испортить день рождения. Это не я, как одержимый, запрещал маленькой девочке получить в подарок то, что она хотела больше всего на свете. Не я вел себя так, будто у моего ребенка нормальное детство, но сам при этом никогда не говорил о ее родных, за исключением Кэтлин. Я бы не стал три или четыре раза в год кидаться к ней с объятиями, а на следующий день вести себя так, будто вообще ее не замечаю. Я знаю, когда и в чем виноват, а еще я знаю, что иногда вообще ни в чем не виноват.

– Скажи ей, что мне надо вывести лодку в море. – Прозвучало грубо, мне даже самому стало неприятно, – в конце концов, Йоши была здесь ни при чем.

Но я не собирался выходить в море. Я собирался пойти в ближайший бар и пить там, пока не найдется кто-то достаточно хороший, чтобы сказать мне, что мы сделаем это и на следующий день.

Сейчас, учитывая размеры нашей страны, в это трудно поверить, но когда-то китобойный промысел был главной добывающей промышленностью в Австралии. В девятнадцатом веке китобойные суда прибывали из Британии, выгружали нам каторжников, загружали к себе выловленных нами китов, а потом продавали их нам же в наших портах. Как говорил Нино, такой вот бартер. Потом оззи^[23] поуменьли и стали думать о собственной выгоде. В конце концов, кита можно использовать для самых разных вещей: жир – для лампового масла, свечей и мыла; китовый ус – для корсетов, мебели, зонтиков и хлыстов. Не сложно догадаться, что в то время больше всего заказывали хлысты. Китобои главным образом охотились на южных правильных китов. Этих китов называли «правильными», потому что поймать их было легче легкого. Бедные твари были, наверное, самыми медлительными в Южном полушарии и мертвые не тонули, так что их просто буксировали на сушу. Легче охота могла бы стать, только если бы киты своим ходом плыли на перерабатывающий завод.

Теперь они, конечно, под защитой, то есть то, что от них осталось. Но я до сих пор помню печальную картинку из детства, когда две шлюпки отбуксировали кита в наш залив. Даже тогда мне это показалось неправильным. Я наблюдала, как его, огромного, неповоротливого, с раздувшимся брюхом, вытащили на берег, он лежал и злобно смотрел пустым глазом в небо, как будто проклинал человека за жестокость. Мой отец хвастал, что его девочка способна поймать любую рыбину. Я действительно умела подсекать, вытаскивать на сушу и потрошить и делала это четко и эффективно, кто-то мог бы сказать – хладнокровно. Но когда я увидела того южного кита, я заплакала.

На Восточном побережье не было такого безумного истребления, как на Западном. Перед концом войны китов здесь добывали мало, если не считать наше укромное место. Возможно, из-за того, что они подходили слишком близко и можно было увидеть их с берега, Сильвер-Бей стал базой охотников на китов. (Команды преследователей считали себя своего рода наследниками охотников.) Когда я была девочкой, на китов охотились с маленьких шлюпок. Это казалось справедливым, и добыча держалась на низком уровне. Но потом людей одолела жадность.

В период между тысяча девятьсот пятидесятым и шестьдесят вторым убили и переработали на заводах Норфолка и Моретона^[24] примерно двенадцать с половиной тысяч горбатых китов. Китовый жир и мясо делали людей богаче, и китобои, чтобы повысить уровень добычи, использовали современное оружие. Их суда стали больше и быстрее, объемы перевозок возросли. К тому времени, когда в водах Австралии запретили охоту на горбачей, китобои уже пользовались сонарами и гарпунными пушками. Мой отец с презрением говорил, что они были вооружены как на войне.

И естественно, они перебили слишком много китов. Китобойцы утюжили океан, пока горбачей почти не осталось, а потом постепенно вышли из этого бизнеса. Перерабатывающие заводы закрывались или переключались на морепродукты. Побережье залива медленно вернулось к своей прежней небогатой и нешумной жизни. И большинство из нас испытало облегчение. Мой отец любил вспоминать романтику китобоев

девятнадцатого века, когда человек против кита выходил с гарпуном, а не с гранатами с пентритом, поэтому он купил перерабатывающий завод в Сильвер-Бей и превратил его в музей. Сейчас ученые считают, что мимо нас каждый год мигрирует тысячи две горбачей, а некоторые говорят, что их популяция никогда уже не восстановится.

Порой я рассказываю эту историю нашим ребятам, когда они начинают заводить разговоры о том, чтобы увеличить количество лодок, или строят планы, как привлечь больше желающих понаблюдать за китами, так сказать, вернуть молодость Сильвер-Бей.

Эта история – урок для нас всех. Но будь я проклята, если кто-то ко мне прислушивается.

– Добрый день.

– День?

Майкл Дормер топтался в дверях, у него был немного ошалевший вид, впрочем, как у всякого, кому биологические часы настойчиво напоминают о том, что он очутился не в своем полушарии.

– Я постучалась к вам утром и оставила на пороге номера чашечку кофе. Но через час обнаружила ее там же, кофе остыл, и я поняла, что вы спите.

Майкл Дормер смотрел на меня так, словно не понимал, о чем я говорю. Я дала ему минуту, а потом жестом пригласила сесть за стол. Не в моих правилах позволять гостям сидеть на кухне, но здесь я сделала исключение.

– Говорят, обычно нормальный сон возвращается через неделю, – сказала я и поставила перед ним тарелку с ножом. – Вы часто просыпались?

Дормер пригладил волосы. Он еще не побрился, на нем были рубашка и повседневные брюки. Брюки, конечно, слишком строгие против тех, что носят у нас в Сильвер-Бей, но все равно это был шаг вперед в сравнении с тем парадным костюмом, в котором он к нам прибыл.

– Всего один раз, – ответил Дормер и немного грустно улыбнулся. – Но этот один раз растянулся на три часа.

Я рассмеялась и налила ему кофе. У него было хорошее лицо, у этого мистера Дормера, лицо человека, который хорошо себя знает, а это качество я не часто встречала у своих гостей.

– Хотите позавтракать? Я с радостью вам что-нибудь приготовлю.

– В четверть первого? – спросил он и посмотрел на часы.

– Назовем это ланчем. Мы никому об этом не скажем.

У меня в холодильнике еще было тесто для блинов. Блины я подавала с черникой, а на гарнир – яйца с беконом.

Дормер пару секунд тупо смотрел на свой кофе, потом подавил зевок. Я хорошо понимала, что после чашки или двух кофе он сориентируется во времени, и поэтому просто молча пододвинула к нему газету. Я тихо делала свои дела, вполуха слушала радио и одновременно прикидывала, какие продукты купить на ужин. Ханна после школы пошла к подружке, а Лиза ела меньше воробышка, так что в тот момент Дормер был единственным человеком, о котором мне надо было позаботиться.

Когда я поставила перед мистером Дормером тарелку с блинами, он заметно оживился.

– Ух ты, – сказал он, оценив порцию, – большое спасибо.

Я могла бы поспорить, что он не привык к домашней кухне, такие всегда очень

благодарны.

Дормер, конечно, был чужаком, но ел он как все мужчины – с удовольствием и, я бы сказала, целеустремленно. Женщины редко так едят. Моя мама всегда говорила, что я ем как мужчина, но я не думаю, что это было похвалой с ее стороны. Пока Дормер поглощал завтрак, у меня было время его разглядеть. Среди наших гостей редко попадаются одинокие мужчины его возраста, обычно они путешествуют с женами или подружками. Одиночки предпочитают отдыхать в более оживленных местах. Мне неловко это признавать, но я рассматривала его, как всегда рассматриваю мужчин, которые могут подойти Лизе. И не важно, что она отбрыкивается изо всех сил, я не теряла надежду выдать ее замуж.

«Киты не держатся друг за друга всю жизнь, – отшучивалась она, – а ты, Кэтлин, всегда говоришь, что мы должны учиться у животных, которые нас окружают».

У этой девчонки на все найдется ответ. Однажды я заметила, что для Ханны было бы хорошо, если бы в ее жизни появился мужчина, который относился бы к ней по-отечески. Лиза тогда посмотрела на меня с укором, и я увидела в ее глазах столько боли, что мне стало стыдно. Больше я на эту тему с ней не заговаривала.

Но это не значит, что в моем сердце не теплится надежда.

– Было очень вкусно. Правда.

– Я рада, мистер Дормер.

Он улыбнулся:

– Зовите меня Майк. Пожалуйста.

«Не такой уж он сухарь, каким кажется на первый взгляд», – подумала я.

Я решила сделать небольшой перерыв, села за стол напротив Майка и налила ему вторую чашку кофе.

– Есть какие-нибудь планы на сегодня?

Я собиралась предложить ему полистать брошюры, разложенные для гостей в главном холле, но не была уверена, что он относится к тому типу туристов, которые катаются по разным местам и заканчивают день в ресторане на открытом воздухе.

Майк посмотрел на свой кофе:

– Вообще-то, я планировал ознакомиться с окрестностями, но машина из проката придет позже, так что пока мне нечем заняться.

– О, на колесах у нас есть что посмотреть. Выше по дороге останавливается автобус на Порт-Стивенс, иначе вам отсюда не выбраться. Так вы в отпуск приехали?

Странное дело, он слегка покраснел.

– Что-то вроде.

Я решила не продолжать. Не стоит настаивать, если кто-то не хочет говорить. У Майка могли быть свои причины приехать в наши края: разрыв отношений, личные амбиции; решение, для принятия которого необходимо побыть в одиночестве. Терпеть не могу людей, пристающих с расспросами. Майк Дормер заплатил мне за неделю вперед, вежливо поблагодарил за завтрак и только из-за этих двух моментов я должна была проявить к нему профессиональную тактичность.

– Я... э-э... пожалуй, пойду. – Майк аккуратно положил вилку с ножом на тарелку и встал из-за стола. – Большое спасибо, мисс Мостин.

– Кэтлин.

– Кэтлин.

И я с легкой душой убрала за ним посуду.

На той неделе у меня были еще гости. Пара средних лет приехала к нам отметить двадцать пятую годовщину супружества. Они первыми откликнулись на нашу рекламу в интернете, а на «Моби», кроме них, заказов почти не было, так что пришлось передать их Лизе. Одного этого хватило, чтобы испортить ей настроение – она категорически не желала связываться с интернет-бизнесом, – так еще супруг постоянно был недоволен. И номер оказался для него недостаточно просторный, и мебель старая, и в душе пахло плесенью. За первые два утра он съел коробку хлопьев, а когда я на следующий день выставила новую, он заявил, что я лишаю его выбора. В довершение всего он пожаловался, что Лиза позже, чем было назначено, вышла в море, хотя они сами явились на пристань с опозданием, потому что он хотел посмотреть Музей китобоев и я была вынуждена открыть музей специально для него.

Его жена, элегантная, очень ухоженная женщина (когда я вижу подобных дам, всегда думаю о времени и усилиях, которые они тратят на то, чтобы так выглядеть), повсюду ходила за ним следом и тихо извинялась перед каждым, на кого он спускал собак. Глядя на то, с какой легкостью она умудрялась делать это незаметно от мужа, можно было предположить, что это для нее не в новинку. Она извиняющимся тоном сообщила мне, что эта поездка – его «подарок» ей на годовщину, а сама в это время оглядывалась на мужа, который, набывшись, шагал к отелю. Мне стало интересно, через сколько лет у нее на лбу появятся глубокие морщины.

– Эта поездка ему нравится намного больше, чем прошлогодняя, – сказала она, и я с сочувствием положила руку ей на плечо.

– Он хам, – заявила Лиза, вернувшись в отель. – Если бы не она, я бы их не взяла.

Мы переглянулись.

– Держу пари, ты подарила ей прекрасный день.

– Вообще-то, нет. Китов нигде не было. Я покатала их лишний час, но море словно опустело.

– Может, они знали.

– Да, я врубила сонар, чтобы они на сегодня разбежались, – отшутилась Лиза.

Иногда я вижу в ней свою младшую сестру. Она так же наклоняла голову, когда о чем-то задумывалась, у нее были такие же тонкие сильные пальцы, и она так же улыбалась, когда смотрела на свою дочь. В такие моменты я понимала: то, что Лиза и Ханна живут со мной, – благословение свыше. Это такое естественное счастье – видеть продолжение своего рода. Мы, бездетные, и не можем иначе испытать эту радость. А порой я вдруг вижу в Лизе не только ее маму, но и своего двоюродного деда Эвана, свою бабушку, даже себя. Последние пять лет я благодарил Бога за этот дар. В какую-то секунду я вдруг видела знакомое выражение лица, слышала знакомый смех, и это, пусть совсем чуть-чуть, компенсировало мне потерю сестры.

Но у Лизы были свои отличительные черты: настороженность, никогда не покидающая грусть, бледный шрам на скуле возле левого уха – все это принадлежало исключительно ей.

Для меня, конечно, не стало сюрпризом то, что Нино Гейнс не звонил мне несколько дней, после того как я выпроводила его в последний раз. Я бы не сказала, что соскучилась по нему, но мне не хотелось, чтобы он сидел где-нибудь на Барра-Крик и плохо обо мне думал.

Кому, как не мне, было знать, что жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на обиды.

После ланча я обернула лимонный пирог в вощеную бумагу, положила его на пассажирское сиденье и поехала к Нино. День был чудесный, воздух такой чистый, что можно было разглядеть все иголочки на соснах вдоль дороги. Однако лето в том году выдалось особенно сухим. Удаляясь вглубь материка, я видела бурую землю, тощих лошадей, травы для них не было, и они убивали время, отгоняя хвостами надоедливых мух. Дышалось здесь иначе – в воздухе неподвижно висела пыль, – атмосфера была гнетущая. Не понимаю, как люди живут в глубине материка. Лично меня удручают бесконечные пейзажи в одной коричневой палитре и всегда неизменные холмы и долины. А море – живое. Я привыкла к его настроениям и переменчивости, как муж привыкает к жене или жена к мужу. С годами вам может и не всегда нравится поведение супруга, но вы его знаете, вы хорошо изучили его.

Когда я подъехала, Нино как раз собирался войти в дом. Он услышал мою машину и, поняв, кто приехал, вытер ладони о задние карманы штанов и прикоснулся к краям своей шляпы. Могу поклясться, что на нем был тот самый стеганный жилет, который он носил еще в семидесятые, когда у него родились два мальчика.

Я не сразу вышла из машины: мы редко ссорились, и я не была так уж уверена по поводу приема, который он мне окажет. Мы стояли и, прищурившись, смотрели друг на друга. Помню, тогда я подумала, какие мы с Нино все-таки дураки: два старых скелета смотрят друг на друга, как тинейджеры.

– День добрый, – поздоровалась я.

– Приехала за своим заказом? – сухо спросил Нино, но я увидела в его глазах огонек и расслабилась.

Честно вам признаюсь, этот огонек я не заслужила.

– Привезла тебе пирог, – сказала я и потянулась в кабину за гостинцем.

– Надеюсь, с лимоном.

– А что? Если не с лимоном, отошлешь обратно?

– Могу.

– Не помню, чтобы ты, Нино Гейнс, когда-нибудь был разборчивым. Упрямый, прожорливый и грубый – да. Разборчивый – нет.

– Ты губы покрасила.

– И еще нахальный.

Нино улыбнулся, и я тоже не смогла сдержать улыбку. Вот чего вам никогда не скажут о старухах – с возрастом не перестаешь вести себя как молодая дура.

– Давай, Кэтлин, заходи. Посмотрим, смогу ли я заставить моего Упрямого, Прожорливого и Нахального Марка Второго приготовить нам по чашечке чая. Кстати, очень хорошо выглядишь.

В первый раз Нино Гейнс попросил моей руки, когда мне было девятнадцать. Во второй раз мне было девятнадцать лет и две недели. Третий раз случился спустя сорок два года после второго. И тут дело было не в провалах в памяти и не в том, что Нино перестал меня замечать, просто в этот промежуток времени он был женат на Джин. Нино повстречал ее спустя два месяца после моего второго отказа. Джин сошла с корабля невест в Вуллумулу и уже передумала насчет солдата, за которого собиралась замуж. Нино ждал в доках своего друга, его взгляд упал на ее осиную талию и перекрученные нейлоновые чулки. Это подействовало, как зов природы. Джин его подсекла, притянула, и не успело пройти еще два

месяца, на ее пальце появилось обручальное кольцо. Сначала многие думали, что Нино и Джин не подходят друг другу. Ругались они как черти! Но он отвез ее на свой только что купленный виноградник в Барра-Крик, и они прожили там долгие годы, пока она не умерла от рака в пятьдесят семь лет. Несмотря на все их ссоры, они были хорошей парой.

Я не виню Джин за то, что она так быстро взяла его в оборот. В ту пору любой бы вам сказал, что Нино Гейнс – самый красивый мужчина в Сильвер-Бей... даже в купальнике. Он надевал женский купальник раз в год, когда военные устраивали представление для местных детишек. Мне было неловко, потому что в первый год он попросил купальник именно у меня. Во время войны я была жилистой высокой девчонкой с широкими плечами. Да и сейчас не намного меньше ростом. Другие женщины с годами усыхают, горбятся от остеопороза, как вопросительный знак, или у них распухают суставы от артрита, а я еще держусь прямо, и руки-ноги у меня вполне крепкие. Думаю, что это из-за того, что я практически без посторонней помощи управляю старым отелем на восемь номеров. (Члены команд говорят, что нынче всем уже известно, как укрепляют организм акулы хрящи. Ну, это они так шутят.)

Впервые я увидела Нино, когда работала в баре отеля. Он уверенно прошагал к стойке в этой своей форме военного летчика, посмотрел на меня оценивающе, так что я покраснела, увидел фотографию в рамочке рядом с полками и спросил:

– А ты кусаешься?

Сам вопрос не задел моего отца, но Нино в конце подмигнул. Я была такой наивной, что все это пролетело мимо меня, как военные самолеты над мысом Томари.

– Она – нет, – пояснил отец, который читал газету за кассой. – А вот ее отец – да.

– За этим типом надо присматривать, – сказал он позже маме. – Ему палец в рот не клади. – А потом уже мне: – Держись от него подальше, поняла?

В те времена все, что говорил отец, было для меня как Священное Писание. Я односложно отвечала Нино, пыталась не заливаться краской, когда он хвалил мое платье, и сдерживала смех, когда он тихо, только для меня шутил через стойку бара. И еще старалась не замечать, что он приходит каждый вечер в свои увольнительные. Все знали, что лучше всего можно провести ночь минутах в двадцати по дороге выше от нашего места. Моей младшей сестре Норе тогда было четыре года (честно сказать, ее появление на свет оказалось сюрпризом для моих родителей), она смотрела на Нино, как на бога, в основном потому, что он засыпал ее шоколадками и жевательной резинкой.

А потом Нино сделал мне предложение. Я знала, как строго относился отец к военным, и мне пришлось отказаться. Иногда я думаю, что не стоило Нино во второй раз делать мне предложение при отце, и тогда, возможно, у нас все бы сложилось хорошо.

Когда Джин умерла, теперь уже пятнадцать лет назад, я думала, что Нино сломается и похоронит свою жизнь. Мне приходилось видеть, как это происходит с мужчинами его возраста – они перестают следить за одеждой, забывают бриться и начинают питаться полуфабрикатами. Понимаете, так росло это поколение мужчин. Их не учили делать что-то для себя. Но Фрэнк и Джон Джон не давали Нино закиснуть, они не оставляли отца одного, придумывали новые идеи для его виноградника. Фрэнк оставался дома, а жена Джо Джо приходила и готовила для всех. Через год по Нино уже было не так заметно, что он пережил страшный удар. А потом, как-то вечером за бутылкой отличного «Шираз-мерло», Нино признался мне, что у них с Джин за две недели до ее кончины был разговор. Джин сказала ему, что, если он после ее смерти будет болтаться один, она дотянется до него с небес и

хорошенько надерет уши.

После этого признания последовала долгая пауза. Я разглядывала свой бокал с вином, а когда подняла голову, увидела, что Нино пристально смотрит на меня. Эта тишина, если я долго думаю об этом, и сейчас обжигает меня.

– И она была права, – сказала я тогда, избегая встречаться с Нино взглядом. – Глупо оставаться одному. Не стоит тебе хандрить. Съезди, повидайся с друзьями на севере. Для тебя сейчас развеяться лучше всего.

Нино потом еще что-то сказал, но больше мы об этом не говорили.

Прошло много лет, он смирился с тем, что мы с ним только хорошие друзья, и ничего больше. Я дорожила его дружбой – возможно, он даже не знал, как сильно, – и нас почти всегда приглашали в гости вдвоем. Мы, можно сказать, заключили договор, что вроде как пара. А если мы порой пикировались, так это потому, что нам это нравилось, а еще потому, что никто из нас не знал, как скрыть неловкость, которая так и осталась между нами. Но на то, чтобы Нино смог легко болтать со мной по-дружески, потребовалось еще несколько лет.

– Фрэнк вчера был в городе и столкнулся с Черри Даусон, – сказал Нино.

Я разглядывала коврики с карандашными и акварельными видами Лондона, которые Нино по-прежнему раскладывал на столе, когда садился есть. Как будто бы Джин просила его об этом. Даже после стольких лет в этом доме везде чувствовалось ее присутствие. Джин любила тяжелую инкрустированную мебель, которая совсем не сочеталась с натурой Нино. Меня всегда удивляло, что его не угнетает обстановка, очень подходящая для похоронного бюро. Всякий раз, когда я заходила в гостиную с этими салфетками и подушечками на диванах, меня обуревало желание выкинуть все это старье и закрасить стены белой краской.

– Она все еще работает в муниципалитете?

– Естественно. Она сказала, что Буллены продали старую устричную отмель. Теперь в муниципалитете все гадают, что будет на этом месте.

Я отпила глоток чая. Тоненькие чашечки с цветочками я тоже терпеть не могла. Мне всегда хотелось сказать Нино, что с большим удовольствием пила бы чай из кружки, но тогда было бы похоже, будто я критикую Джин.

– И землю тоже продали?

– Добрую полосу побережья плюс рыбоводный завод. Но меня интересует устричная отмель.

– Что можно делать с таким куском мелководья?

– Вот и мне любопытно.

Когда Нино еще не увлекся виноделием, он подумывал открыть собственную устричную отмель. Буллены тогда боролись с японским импортом, и он примеривался купить их участок. Нино спрашивал совета у моего отца, но он над ним лишь посмеялся и сказал, что такой человек, как Нино Гейнс, должен забыть о бизнесе навсегда. Возможно, впоследствии отец изменил свое мнение о способностях Нино вести дела, когда он, став виноделом, выиграл награду от «Австралийских вин» и еще когда оборот в первый раз поднялся до шестизначной цифры, но мой отец был не из тех, кто признает свои ошибки.

– А ты все еще строишь планы?

– Нет.

Нино допил чай и посмотрел на часы. Каждый вечер он забирался на квадроцикл и объезжал свои владения: проверял, как работает оросительная система, высматривал на лозе следы ботритиса^[25] и милдью^[26]. Он все еще получал удовольствие от осознания того, что,

куда ни погляди, вся земля его.

– Залив ни для чего особенно не пригоден. Разве что устроить там еще одну устричную отмель.

– Я так не думаю. – Нино покачал головой.

Мне показалось, что он что-то недоговаривает.

– Ну и ладно, – сказала я, когда поняла, что Нино не собирается вдаваться в подробности. – Им все равно придется держать открытым глубоководный канал для входа и выхода лодок, так что не вижу, как это повлияет на команды. Пусть делают там, что хотят. Кстати, я не сказала тебе, что Ханна видела своего первого кита?

– Лиза наконец-то вышла с ней в море?

Я поморщилась:

– Нет. Так что держи язык за зубами. Ханна вышла на «Моби-один» с Йоши и Грэггом. Она была так счастлива в тот вечер, даже удивительно, что Лиза ничего не заметила. Я, когда проходила мимо ее двери, слышала, как она подпевает китовым песням на кассете.

– Лизе в конце концов придется ослабить хватку, – сказал Нино. – Ханна скоро станет подростком. Если Лиза будет стараться держать ее при себе, девочку потянет в другую сторону. – Нино изобразил, будто с трудом вытягивает рыбину. – Но не мне тебе об этом говорить.

Я посмотрела на часы на каминной полке и встала. Уже много времени прошло – я даже не заметила, а ведь просто собиралась привезти Нино пирог.

– Рад был тебя повидать, Кейт. – Нино потянулся ко мне, чтобы поцеловать в щеку, а я взяла его за руку – это можно трактовать и как знак симпатии, и как способ сохранить дистанцию.

Понимаете, мой отец думал, что Нино такой же, как все остальные мужчины. Он готов был поклясться, что их интересуется исключительно моя слава и наш отель. Только сейчас я начала задумываться о том, что же им двигало, почему он не разрешал своей дочери поверить в бескорыстную любовь.

Когда я вернулась, все уже удобно устроились за столом. Ребята сидели на длинной лавке с пивом и пакетиками чипсов в руках – это, наверное, Лиза их обслужила. Йоши с Лансом играли в карты. Ветер дул с севера, так что все были в свитерах и шапках, да еще в шарфы закутались. Никто и не подумал зажечь горелки.

Лиза читала местную газету, она подняла руку и сообщила:

– Пришел заказ от мясника. Я не знала, что ты захочешь приготовить, так что все в холодильнике.

– Надо бы проверить, что он там привез. В прошлый раз все перепутал, – отозвалась я и поздоровалась: – Всем привет. Рано вы вернулись.

– Одна стая, слишком далеко, чтобы клиенты смогли что-то рассмотреть. Ездили к своему кавалеру, мисс М.?

Грэг, когда говорил, поглядывал на Лизу, но она упорно не обращала на него внимания. Я поняла, что Лиза все еще с ним не разговаривает, и мне даже стало жаль его. Грэг хотел как лучше, но порой он сам себе был злейшим врагом.

В холле Майк Дормер пролистывал газеты, которые я оставила для гостей. Когда я вошла, он поднял голову и кивнул.

– Пригнали вашу машину? – Я собралась снять пальто, но потом сообразила, что все равно вернусь к ребятам, и передумала.

– Да. Э-э... – Майк вытащил из кармана ключи от машины. – «Холден».

Он выглядел очень усталым, я вспомнила, что последствия от прыжков через часовые пояса накатывают волнами.

– «Холден» вам подойдет. Вам уже лучше?

– Скоро станет. Я тут подумал... а не мог бы я сегодня поужинать у вас?

– Если хотите. Я как раз собираюсь подать ребятам суп. Хватайте куртку и присоединяйтесь к нам.

Я видела, что он колеблется. Сама не знаю, почему его подталкивала. Может, потому что вдруг почувствовала, что устала и не хотела даже думать о том, что придется накрывать на стол для одного человека. А может, хотела, чтобы Лиза увидела мужчину, не похожего на Грэга...

– Это Майк. Сегодня он поест с нами.

Все пробормотали приветствия. Грэг внимательнее других посмотрел на гостя.

Я помещивала суп, стоя у окна в кухне, и слышала, что, когда Майк сел за стол, Грэг стал говорить громче, а шутить веселее. Меня это рассмешило: он никогда не умел скрывать свои чувства.

Еду я вынесла на двух подносах. Каждый по очереди тянулся за миской и куском хлеба. Все говорили мне спасибо, но вскользь, почти не глядя. А вот Майк встал и выбрался из-за стола.

– Позвольте, я помогу вам, – предложил он и взял второй поднос.

– Ого! – с улыбкой отреагировал Ланс. – Сразу видно, ты не местный.

– Большое спасибо, мистер Дормер, – сказал я и села рядом с ним.

– Зовите меня Майк. Вы очень добры.

– О, ты только не избалуй нам Кэтлин, – попросил Грэг.

Тут Лиза подняла голову и посмотрела на него.

Мне показалось, что Майка смутило всеобщее внимание. В своей наглаженной рубашке он выглядел чужаком за нашим столом. Майк вряд ли был старше Грэга, но лицо у него было удивительно гладким, без морщин. Я подумала, что это от офисной работы.

– Вам не холодно в одной рубашке? – спросила Йоши и подалась вперед. – Уже почти август.

– По-моему, тут довольно тепло, – ответил Майк и огляделся.

Ланс показал пальцем на Лизу:

– И ты такой же была, когда только здесь появилась.

– Теперь она даже загорает в термиках.

– А откуда вы родом? – поинтересовался Майк, но Лиза его как будто не слышала.

– Чем вы занимаетесь, Майк? – спросила я.

– Финансовыми операциями.

– Финансовыми операциями, – громче повторила я, потому что хотела, чтобы Лиза это слышала.

Я интуитивно чувствовала, что Майка опасаться не стоит.

– Джакеро^[27] подъехал к бару, – подал голос Грэг. – Он слез с лошади, обошел ее, потом поднял хвост и поцеловал в зад.

– Грэг, – предостерегающе сказала я.

– Другой ковбой остановил его, когда он собирался войти в бар. Он сказал: «Извини, приятель, я только что видел, как ты поцеловал в зад свою кобылу». – «Точно, – ответил

джакеро, – у меня губы обветрились».

Грэг огляделся, чтобы удостовериться в том, что завоевал всеобщее внимание.

– «И от поцелуя в зад они перестанут трескаться?» – спросил ковбой. «Нет, – ответил джакеро, – но зато я точно перестану их облизывать».

Грэг с довольным видом хлопнул ладонью по столу. Ханна рассмеялась, а я закатила глаза к небу.

– Жуткий анекдот, – сказала Йоши. – И ты рассказывал его две недели назад.

– И тогда он не был смешнее, – добавил Ланс.

Я заметила, что они с Йоши касаются друг друга коленками под столом – все еще думали, что про них никто не знает.

– Тебе известно, кто такой джакеро, приятель? – Ланс наклонился над столом.

– Нетрудно догадаться, – ответил Майк и повернулся ко мне. – Суп превосходный. Вы сами готовили?

– Может, даже поймала сама, – вставил Грэг.

– Как вам Сильвер-Бей? – с улыбкой спросила Йоши. – Вы ходили сегодня куда-нибудь?

Майк дожевывал хлеб и только потом ответил:

– Дальше кухни мисс Мостин... Кэтлин... практически не ходил. Но то, что я видел, очень... симпатично. А вы... э-э... вы все работаете на круизных судах?

– Мы преследователи китов, – сказал Грэг. – В это время года мы гоняемся за плавучим жиром. Не человеческого сорта.

– Но Грэг непривередлив.

– Вы охотитесь на китов? – Майк не донес ложку до рта. – Я думал, это незаконно.

– Это наблюдение за китами, а не охота, – пояснила я. – Они берут туристов в море, чтобы те посмотрели на китов. С этого месяца до сентября горбачи мигрируют на север, в теплые воды, они проплывают недалеко отсюда. А потом, месяца через два, возвращаются тем же путем.

– Мы современные преследователи китов, – сказал Ланс.

Майк, казалось, удивился.

– Ненавижу это определение, – с чувством возразила Йоши. – Звучит так, будто мы какие-то... бессердечные. Мы не преследуем китов, мы наблюдаем за ними с безопасной дистанции. Слово «преследователи» неправильно отражает суть того, чем мы занимаемся.

– Дать тебе волю, Йош, так ты бы выбрала «лицензированные морские наблюдатели за китообразными», или как там еще.

– Вообще-то, точное определение – водные млекопитающие семейства полосатиковых китов подотряда усатых.

– Никогда так об этом не думал, – сказал Ланс. – Нас всегда называли преследователями.

– А мне показалось, что вы из-за этого здесь остановились, – обратилась я к Майку. – Большинство людей сюда приезжают, чтобы посмотреть на китов.

– Что ж... звучит заманчиво... – Майк уставился в свою тарелку. – Я с удовольствием.

– Если выйдете в море с Грэгом, соблюдайте осторожность, – посоветовала Йоши, подбирая хлебом остатки супа на дне миски. – Он имеет склонность терять непарных пассажиров. Естественно, неумышленно.

– Та девчонка сама прыгнула. Просто сумасшедшая какая-то, – запротестовал Грэг. – Пришлось спасательный пояс за борт кидать.

– Ага, а почему она прыгнула? – спросил Ланс. – Боялась, что ее подцепит на свой крючок Грэг.

Йоши рассмеялась.

Грэг глянул на Лизу.

– Это неправда.

– Тогда почему ты, уже потом, просил у нее номер телефона? Я видел.

– Это она у меня номер попросила, – с неохотой ответил Грэг. – Сказала, что, может, захочет, чтобы я организовал для нее частную прогулку.

Все ребята расхохотались. Лиза не подняла голову.

– Ух ты, – сказал Ланс. – На частную прогулку? На такую же, как ты устроил двум стюардессам тогда, в апреле?

Майк смотрел на мою племянницу. Лиза говорила мало, впрочем, как и всегда. Она не хотела выделяться, но ее безучастность, наоборот, привлекала к ней внимание. Я попыталась увидеть ее глазами Майка: все еще красивая женщина, выглядит одновременно старше и моложе своих тридцати двух лет, волосы небрежно зачесаны назад, как будто ее уже давно не волнует, как она выглядит.

– А вы? – тихо спросил Майк, обратившись к ней через стол. – Вы тоже преследуете китов?

– Я никого не преследую, – ответила Лиза с непроницаемым лицом. – Я иду туда, где они могут появиться, и сохраняю дистанцию. По-моему, это самая разумная тактика.

Их взгляды встретились. Я видела, что Грэг за ними наблюдает. Он не спускал с нее глаз, когда она встала из-за стола и сказала, что пора ехать за Ханной. Потом он повернулся к Майку. Мне оставалось только надеяться, что я одна заметила угрозу в его улыбке.

– Да. Когда дело касается Лизы, это самая лучшая тактика, – сказал Грэг, его улыбка была широкой и дружелюбной, как у акулы. – Сохраняй дистанцию.

Залив тянется примерно четыре мили от Тар-Пойнта до Брейк-Ноус-Айленда. Рядом на севере – Порт-Стивенс, крупный портовый город с местами отдыха и развлечений. Залив чистый, защищенный, идеально подходит для водного спорта и для купания (в теплые месяцы). Приливная система слабая, для пловцов не представляет опасности. Присутствуют малоэтажные коттеджи и бизнес по наблюдению за китообразными.

Сильвер-Бей расположен в трех-четыре часах езды от Сиднея, и практически вся его территория доступна с главной магистрали. Береговая линия представляет собой две полубухты. Одна, с северного конца залива, фактически не развита. Во второй, в десяти минутах ходьбы от первой, расположена практически вся недвижимость Сильвер-Бей: дома на одну семью и розничные торговые точки, хозяевами которых по большей части являются резиденты Сиднея и Ньюкасла. Это...

Тут перестал набирать текст и на минуту задумался.

...отличное место для преобразований, здесь множество домов малой стоимости. Велика вероятность того, что покупка домов по справедливой цене будет выгодна и для их владельцев, и для местной экономики.

Что касается конкуренции, местные отели не представляют угрозы. Единственный отель, расположенный на берегу залива, несколько десятков лет назад в результате пожара потерял половину площадей. Функционирует в режиме «ночлег-завтрак». Развлечения не предусмотрены. Маловероятно, что владелец, на определенных условиях, откажется его продать.

Я подумал, что вряд ли порадую кого-то таким отчетом. Не имело значения, сколько фактов и цифр я выудил из местного отдела планирования и торговой палаты, меня все равно не покидало ощущение, будто я пишу о чем-то, что совершенно не знаю. Сразу по приезде я понял, что это непростое место.

В Сити я обсчитывал метраж площадей, представительские апартаменты, офисные здания семидесятых, которые должны были уступить место сетям «Здоровье и фитнес» и новым престижным кварталам. Выполняя эту работу, я играл на своем поле и мне легко удавалось оставаться незамеченным. Я сопоставлял местные цены на недвижимость, предполагаемый доход среди резидентов и в конце дня исчезал.

Но как только я залез в кабину грузовичка Грэга, с валяющимися под ногами банками из-под пива, я сразу понял, что здесь все будет по-другому.

Тут я был словно выставлен напоказ. Даже в свитере и джинсах меня не покидало ощущение, что я недостаточно «просолен» и местные легко могут меня раскусить. К тому же здесь проживало так мало народу, что каждый человек имел значение. Это был новый для меня опыт, но я почему-то не мог трезво смотреть на вещи.

Вздыхнув, я открыл новый документ и начал набирать заголовки: география,

экономический климат, местная промышленность, конкуренция. Потом с некоторой неприязнью вспомнил о новой двухместной спортивной машине, которую купил себе в награду за эту работу. Оплаченная и полностью готовая, она ждала меня во внешнем дворе дилера. Посмотрел на часы. Почти за два часа я написал всего три абзаца. Пришло время сделать перерыв на чай.

Кэтлин Мостин выделила мне номер, который охарактеризовала как «хорошая комната». Другие гости недавно уехали. Накануне вечером Кэтлин принесла поднос с чайными и кофейными принадлежностями. Последним гостям она бы их не предложила, потому как они, цитирую, «постоянно бы жаловались, что вода закипает недостаточно быстро». Кэтлин Мостин была из породы женщин, которые в Англии держат гостиницы или следят за помещичьими домами, представляющими исторический интерес. Глядя на таких, вспоминаешь выражение: «Годы ее не берут». Ясный ум, острый глаз, никогда не сидит без дела. Мне она нравилась. Полагаю, мне нравятся сильные женщины – не надо думать за двоих. Не сомневаюсь, что у моей сестры другая теория на этот счет.

Я вскипятил чайник и встал возле окна, приготовившись сделать чашку чая. Номер не был роскошным, но я чувствовал себя в нем на удивление комфортно, совсем не так, как в номерах представительского класса, где обычно останавливался. Стены беленые, двуспальная кровать с деревянной рамой, белые простыни и одеяло в сине-белую полоску. И еще старое кожаное кресло, и персидский ковер, который в свое время наверняка стоил немалых денег. Работал я, сидя на табурете за небольшим столом из сосны. Когда я осмотрелся в отеле «Сильвер-Бей», мне пришло в голову, что Кэтлин Мостин давно решила в отношении дизайна не затрачиваться ради гостей – проще просто побелить стены. Так и слышу, как она говорит: «Легко смывать грязь и белить поверху».

Я быстро понял, что являюсь ее единственным постояльцем на долгий срок. Атмосфера отеля подсказывала, что это место когда-то было очень модным, но потом встало на прагматичные рельсы. Мебель по большей части подобрали также из практических, а не эстетических соображений. На стенах в рамках висели пожелтевшие фото отеля времен его былой славы или безликие акварели с морскими пейзажами. Я обратил внимание, что на каминах и полках разложены разные коллекции морских камешков и выброшенных на берег коряг. В других отелях это было бы стилистически фальшиво, но здесь казалось, что все эти камешки и коряги на своем месте, в своем доме.

Окно моего номера выходило прямо на залив, даже дороги не было между домом и береговой линией. Прошлой ночью я спал с открытым окном. Шорох волн убаюкал меня и подарил первый полноценный сон за последние несколько месяцев. На рассвете я смутно слышал, как подъезжали грузовики преследователей китов – колеса шуршали по влажному песку, – слышал, как рыбаки ходят по гальке к пристани и обратно.

Когда я описал Нессе здешнюю обстановку, она назвала меня «везунчиком» и сказала, что «устроила отцу разнос» за то, что он отослал меня из Англии.

– Ты не представляешь, сколько мне здесь всего нужно организовать, – сказала она с такой интонацией, будто мое присутствие в Лондоне могло бы как-то помочь все решить.

– Знаешь, мы можем устроить все по-другому, – возразил я, когда у Нессы закончились жалобы. – Можем полететь куда-нибудь и устроить свадьбу на берегу океана.

Последовало молчание, продолжительность которого заставила меня задуматься о его стоимости.

– После всего? – Судя по голосу Нессы, она не могла поверить своим ушам. – Я

выложились по полной, чтобы все организовать, и теперь ты предлагаешь мне просто куда-нибудь слетать и сыграть свадьбу? С каких это пор у тебя появились задатки организатора?

– Забудь, это я так...

– Ты хоть понимаешь, каково это? Я стараюсь и делаю гору дел, а половина этих чертовых гостей даже не ответили на приглашение. Это так невежливо. Теперь придется лично за каждым охотиться.

– Послушай, мне жаль. Ты же знаешь, я не просил меня сюда отправлять. Я работаю очень напряженно и вернусь как можно быстрее.

Несса смягчилась. В конечном счете. Кажется, она повеселела, когда я напомнил, что здесь, вообще-то, зима. Кроме того, Несса знала, что я не любитель отдыха. Мне пока не удавалось лежать на пляже дольше недели. Несколько дней, и я начинаю исследовать удаленные от берега территории, просматриваю газеты в поисках бизнес-возможностей.

– Люблю тебя, – сказала Несса, перед тем как повесить трубку. – Работай там так, чтобы скорее вернуться.

Вот только тяжело работать в обстановке, которая располагает к обратному. Как нарочно, связь с интернетом через телефон была медленной и, скажем так, с настроением. Газеты с информацией Сити приходили только к полудню. К тому же изящный изгиб залива и белый песок манили, звали пройтись по пляжу. Деревянная пристань приглашала посидеть и поболтать ногами в воде. Длинный выбеленный стол, за которым команды преследователей китов отдыхали, вернувшись из залива, болтали и пили холодное пиво с горячими чипсами... А в то утро даже моя рабочая рубашка не создавала мне трудового настроения.

Я открыл электронную почту и начал писать:

Деннис, надеюсь, вы поправляетесь. Вчера, как вы посоветовали, посетил плановый отдел и встретился с мистером Райли. Похоже, ему нравится план, по его мнению – единственное препятствие...

Кто-то постучал в дверь, я подскочил на месте и захлопнул лэптоп.

– Можно войти?

На пороге стояла Ханна, дочь Лизы Маккалин. Она протянула мне тарелку с сэндвичем.

– Тетя Кей подумала, что вы, наверное, проголодались. Она не уверена, захотите ли вы спуститься вниз.

Я взял у девочки тарелку. Мне даже не верилось, что уже время ланча.

– Это очень мило. Скажи тете спасибо.

Ханна заглянула в комнату и увидела мой компьютер.

– А чем вы занимаетесь?

– Надо послать пару писем.

– У вас есть выход в интернет?

– В общем, да.

– Я очень хочу компьютер. Почти у всех моих друзей в школе есть компьютер. – Ханна переступила с ноги на ногу. – А вы знаете, что моя тетя есть в интернете? Я слышала, как она говорила про это маме.

– Я думаю, во многих отелях есть выход в интернет, – сказал я.

– Нет, – сказала Ханна, – тетя есть в интернете. Она сама. Тетя не любит об этом

говорить, но когда-то она тут прославилась, потому что поймала акулу.

Я попробовал представить, как старая леди борется с чудищем из фильма «Челюсти». Странное дело, это оказалось не так трудно.

Ханна стояла в дверях и явно не хотела уходить. Она была, как все девочки ее возраста, в преддверии созревания. Невозможно сказать, станет она красавицей или из-за гормонов и генов этот носик будет чуть длиннее, чем нужно, а подбородок чуточку тяжелее. Я склонялся к мысли, что в случае с Ханной осуществится первый сценарий.

Мне пришлось опустить голову, чтобы она не подумала, будто я ее разглядываю. Ханна была так похожа на свою маму.

– Мистер Дормер.

– Майк. Давай на «ты».

– Хорошо, Майк. А когда ты будешь не очень занят, я могу попользоваться твоим компьютером? Я правда очень хочу посмотреть фотографию с моей тетей.

Весь залив засверкал в лучах солнца, тени стали короче, песок и дорожки посылали солнечных зайчиков. С того момента, как я вышел из самолета в сиднейском аэропорту имени Кингсфорда Смита, я чувствовал себя как рыба, выброшенная из воды. Приятно было, что кто-то попросил меня сделать что-то привычное.

– Знаешь что, – сказал я, – мы можем посмотреть прямо сейчас.

Мы просидели в моей комнате почти час, и этого времени мне хватило, чтобы убедиться в том, что Ханна – милый ребенок. С одной стороны, она казалась младше своих ровесников в Лондоне. Например, ее не очень интересовало то, как она выглядит, поп-культура, музыка и все такое прочее. Но с другой стороны, она была очень сообразительной девочкой, и в ней чувствовалась какая-то несвойственная ее возрасту цельность. Я даже немного терялся, разговаривая с ней. Обычно я не очень хорошо лажу с детьми – мне трудно понять, о чем с ними надо разговаривать, – но в компании с Ханной Маккалин мне было здорово.

Ханна расспрашивала меня о Лондоне, о моем доме, ей было интересно, есть ли у меня домашние животные. Очень быстро она узнала, что я собираюсь жениться.

– Ты уверен, что она тебе подходит? – серьезно спросила Ханна, внимательно глядя на меня темными глазами.

Этот вопрос застал меня врасплох, но я чувствовал, что отвечать тоже надо серьезно.

– Ты ей никогда не грубишь?

Я задумался на секунду и ответил:

– Надеюсь, я со всеми вежлив.

Ханна улыбнулась. Теперь уже как обычный ребенок.

– Да, ты кажешься очень милым, – призналась она.

А потом мы занялись более важными делами: нашли и распечатали две разные фотографии молодой женщины в купальнике с акулой и пару текстов о ней, которые написали люди, вряд ли ее знавшие; зашли на сайт известной бой-банды и на туристический сайт Новой Зеландии. Дальше – цепочка фактов и цифр о горбатых китах. Ханна сказала, что она всех их наизусть знает. Я узнал, что легкие у китов размером с небольшой автомобиль, что новорожденный детеныш кита весит полторы тонны и что у молока кита консистенция деревенского сыра. Должен признаться, что без знания о молоке я мог бы и обойтись.

– Ты выходишь с мамой в море посмотреть на китов? – спросил я.

– Мне нельзя, – ответила Ханна.

Я заметил, что она говорит с австралийским акцентом, то есть к концу предложения

повышает голос.

– Мама не хочет, чтобы я выходила в море.

Тут я вспомнил словесную стычку между Лизой Маккалин и Грэгом, ту, что произошла, когда я только приехал. Я всегда стараюсь держаться подальше, когда люди выясняют отношения, но я смутно помнил, что дело каким-то образом касалось Ханны и лодки.

Ханна пожалала плечами, будто хотела сама себя убедить в том, что ей это безразлично.

– Мама старается уберечь меня от всяких опасных вещей. Мы... – Ханна подняла голову и посмотрела на меня, словно бы решая, сказать мне что-то или нет, в результате решила не говорить и спросила: – А мы можем найти фотографии Англии на твоём компьютере? Я вроде бы помню, но не очень много.

– Конечно можем. А что ты хочешь посмотреть?

Я начал набирать запрос в поисковике, и тут появилась Лиза Маккалин.

– А я-то думаю, где тебя искать, – сказала она, стоя в дверях моего номера.

Лиза переводила взгляд с меня на Ханну и обратно. В глазах ее было что-то, что заставило меня на секунду почувствовать себя виноватым, словно меня поймали за каким-то предосудительным занятием. Но уже в следующую секунду я не на шутку разозлился.

– Ханна принесла мне сэндвич, – сказал я с некоторым напором. – А потом она попросила разрешения заглянуть в мой компьютер.

– В интернете двадцать три тысячи сто веб-страниц про горбатых китов, – с гордостью сообщила Ханна.

Лиза расслабилась.

– И я полагаю, что она захотела просмотреть каждую. – Я услышал извиняющиеся нотки в ее голосе. – Ханна, милая, идем, оставь мистера Дормера в покое.

Лиза была в той же одежде, что и в две наши последние встречи назад: темно-зеленые джинсы, флисовая кофта и желтая ветровка. Волосы у нее, как и раньше, были убраны в хвост на затылке, кончики волос светлые, хотя ее натуральный цвет гораздо темнее.

Я вспомнил о том, что Несса в первый год наших отношений всегда вставала на полчаса раньше меня: она делала прическу и накладывала макияж прежде, чем я проснусь. У меня почти полгода ушло на то, чтобы понять, как ей удастся проспять всю ночь и не перепачкать подушки блеском для губ.

– Извините, если она вам помешала, – сказала Лиза, не глядя мне в глаза.

– Она вовсе мне не мешала. Я только рад. Ханна, если хочешь, я перед уходом буду оставлять компьютер внизу, и ты сможешь им пользоваться.

У Ханны загорелись глаза.

– Правда? Сама? Мам! Я в интернете все найду для моего проекта!

Я не смотрел на ее маму, потому что догадывался, каким будет ответ, но, не встречаясь с ней взглядом, я не мог в этом удостовериться. В конце концов, ничего такого в этом не было. Я закрыл все защищенные паролем файлы и отключил компьютер.

– Ты прямо сейчас уходишь? – удивилась Ханна.

И тут мне пришла в голову идея. Я вспомнил кое-что, о чем утром говорила Кэтлин.

– Да, – ответил я и вручил компьютер Ханне. – Если твоя мама меня возьмет.

Учитывая тот факт, что слабая экономика Сильвер-Бей практически целиком зависела от туризма, а также то, что, судя по цифрам местного самоуправления, средний заработок здешних жителей составлял не больше одной тысячи фунтов в месяц, можно было предположить, что Лиза Маккалин обрадуется моему предложению. Было бы странно, если

женщина, чья лодка во владении стоит около двухсот фунтов, у которой до ближайшего понедельника в расписании нет клиентов и тетя которой неоднократно говорила, что в море она гораздо счастливее, чем на суше, не ухватится за возможность коммерческой прогулки одинокого туриста. Тем более после того, как я предложу оплату фрахта за четырех пассажиров, а это, судя по всем данным, достаточная сумма, чтобы экономически оправдать выход в море.

– Я не собираюсь сегодня выходить в море, – сказала Лиза, а руки при этом, как будто сдерживая себя, держала в карманах джинсов.

– Почему нет? Я предлагаю вам почти сто восемьдесят долларов. Это стоит времени, которое вы потратите.

– Сегодня я в море не выйду.

– Плохой прогноз? Шторм надвигается?

– Тетя Кей сказала, что будет ясно, – вставила Ханна.

– Или вы располагаете какой-то особой информацией по поводу китов? Они сегодня отправятся поплавать в другое место? Мисс Маккалин, я не потребую вернуть деньги, если киты не объявятся. Я просто хочу выйти на прогулку в море.

– Соглашайся, мам. А я тогда смогу попользоваться компьютером Майка.

Я с трудом удержался, чтобы не улыбнуться.

Лиза по-прежнему не смотрела на меня.

– Я вас не возьму. Найдите кого-нибудь другого.

– Вы имеете в виду кого-нибудь с больших лодок? У них на борту полно туристов. Мне это не подходит.

– Я созвонюсь с Грэгом. Расскажу ему о вас. Посмотрим, может, он сегодня собирается выйти.

– Грэг – это тот, у которого пассажиры вываливаются за борт?

В этот момент появилась Кэтлин. Она стояла возле лестницы и молча наблюдала за происходящим в моем номере.

– Хорошо, запишу вас на понедельник, – в итоге согласилась Лиза. – На понедельник у меня есть еще три человека. С ними вам будет веселее.

Я почему-то почувствовал азарт.

– Нет, мне это не подходит. Я асоциальный тип. И я хочу выйти в море сегодня.

Наконец она посмотрела мне в глаза и с некоторым вызовом тряхнула головой:

– Нет.

Я чувствовал, что что-то в происходящем заинтересовало Кэтлин. Она стояла у Лизы за спиной, не вмешивалась, но очень внимательно наблюдала.

– Хорошо... триста долларов, – сказал я и вытащил деньги из бумажника. – Это стоимость полной лодки, верно? Я плачу вам три сотни долларов, а вы рассказываете мне все, что вам известно, о китах.

Я услышал, как Ханна сделала резкий вдох и затаила дыхание.

Лиза посмотрела на свою тетю. Кэтлин удивленно подняла брови. Мне показалось, что в номере образовался вакуум.

– Триста пятьдесят, – сказал я.

Ханна хихикнула.

Я не собирался отступать. Не знаю, что меня тогда подталкивало. Может быть, скука. Может, эта ее закрытость. А может, это из-за того, что Грэг пытался намекнуть мне, чтобы я

держался подальше от Лизы, и мне стало любопытно. В общем, я даже под страхом смерти решил выйти в море на ее лодке.

– Пятьсот долларов. Вот, пятьсот долларов. – Я вытащил из бумажника еще пару банкнот.

Я не размахивал деньгами, просто держал их в кулаке.

Лиза не отводила взгляд.

– И я рассчитываю получить за эти деньги кофе и печенье.

Кэтлин хмыкнула.

– Деньги ваши, – в итоге сказала Лиза. – Вам придется забыть о ваших городских нарядах. Обувь на мягкой подошве и теплый джемпер. Отходим через пятнадцать минут. – Она взяла у меня деньги и затолкала их в карман джинсов.

Судя по тому, как она потом мельком на меня глянула, можно было подумать, что она сомневается в моей адекватности.

Но я знал, что делаю. Как любит повторять Деннис: все и всё имеют свою цену.

К пристани была пришвартована только лодка Лизы. Она шла в паре шагов впереди меня, говорить не собиралась, лишь бросила пару слов своей маленькой собачке, так что у меня появилась возможность осмотреться. Хотя смотреть особенно было не на что – кафе, сувенирная лавка с явно маленьким оборотом (это демонстрировала пыльная витрина) и рынок морепродуктов, который был обращен фасадом к городу и находился в самом современном здании в заливе. При рынке располагалась парковка, то есть у покупателей, которые приехали купить свежую рыбу, уже не будет мотивации вернуться, чтобы воспользоваться другими услугами. Плохо продуманное решение. Я бы настаивал на том, чтобы парковка располагалась ближе к пристани.

Несмотря на субботу, людей вокруг было мало. Мотели, которые я заметил вдоль главного шоссе, рекламировали свои номера (завтрак включен), но атмосфера в заливе не обещала никаких экономических перспектив в это время года. В то же время здесь не чувствовалось угрюмости, характерной для городков на побережье Англии зимой. Яркое солнце делилось своим оптимизмом с воздухом, и местные жители были на редкость жизнерадостными.

Но только не Лиза.

Она «дала команду» подняться на борт, потом «приказала» стоять и внимательно слушать, как она монотонно зачитывает перечень мер по безопасности. После этого равнодушно спросила, не приготовить ли мне кофе.

– Задайте курс, и я все сделаю сам, – ответил я.

– Когда ходите, держите колени полусогнутыми, и когда поднимаетесь по трапу, тоже. – Лиза повернулась ко мне спиной. – Чаек не кормите. Это их вдохновляет – они пикируют на пассажиров и везде гадят. – Сказав это, она исчезла на верхней палубе.

Обстановка на нижней палубе: два стола и стулья, пластиковые скамейки, застекленная витрина с шоколадками, видео с китами и таблетки от укачивания. Листок с написанным от руки предупреждением не делать кофе или чай слишком горячими, так как напитки часто разбрызгиваются. Я нашел место для заваривания чая и кофе, сделал два кофе. Заметил специальные бортики и держатели на стойке буфета, видимо, для того, чтобы чайники и кофейники не опрокидывались при сильной качке. Думать о волнах, которые отправляют кофейники в воздух и из-за которых, возможно, Ханне запрещалось выходить в море, мне

совсем не хотелось. Но и не пришлось – заработал двигатель, и я, чтобы устоять на ногах, схватился за край буфета. Мы выходили в море, и не на малых оборотах.

Не очень-то твердым шагом я поднялся на корму. Лиза стояла за штурвалом, ее маленькая собачка свернулась кольцом вокруг руля (это явно был ее любимый пост). Я передал Лизе кружку с кофе. Ветер дул в лицо, я сразу почувствовал на губах соленый привкус.

«Это часть работы», – подумал я, чтобы как-то оправдать свои действия.

К тому же мне еще предстояло провести эту прогулку отдельным пунктом в статье расходов.

Лиза не отрываясь смотрела на море. Мне было любопытно, почему она так сильно не хотела вывезти меня на прогулку. Вряд ли я успел как-то ее обидеть. К тому же Лиза была из тех женщин, которые инстинктивно восстают против любого покушения на их независимость. Но я был настроен решительно.

– Давно вы этим занимаетесь? – Чтобы заглушить шум двигателя, приходилось кричать.

– Пять лет. Шестой пошел.

– Хороший бизнес?

– Для нас – да.

– А лодка принадлежит вам?

– Когда-то была Кэтлин, но она отдала мне.

– Щедрый жест с ее стороны.

Можно было сосчитать на пальцах одной руки, сколько раз я выходил в море в лодке, так что мне все было интересно. Я спрашивал Лизу о том, как называются разные части судна (например, я всегда путал, где корма, где бак).

– А сколько может стоить лодка такого размера?

– Зависит от лодки.

– Ну а вот эта?

– У вас все вертится вокруг денег?

В ответе Лизы не было враждебности, но интонация заставила меня взять паузу. Я сделал глоток кофе и предпринял еще одну попытку:

– Вы сюда приехали из Англии?

– Это Ханна вам сказала?

– Нет... Я это понял из того, что говорили днем за столом. И... ну, вы понимаете... я могу это слышать.

Лиза на секунду задумалась.

– Да. Когда-то мы жили в Англии.

– Скучаете?

– Нет.

– Вы специально выходите в море?

– Специально?

– Чтобы наблюдать китов.

– Вообще-то, нет.

Я не мог понять, всегда ли она так общается со своими пассажирами. Возможно, это следствие тяжелого развода или она просто не любит мужчин.

– Вы много китов видели?

– Если окажешься в правильном месте, увидишь.

– Вам нравится такой образ жизни?

Лиза убрала руку со штурвала и с подозрением посмотрела на меня:

– Вы задаете много вопросов.

Я твердо решил не парировать резко любые ответы. У меня вообще было ощущение, что Лиза неконфликтна по натуре.

– Ну, вы, можно сказать, раритет. Вряд ли здесь много женщин-капитанов.

– Вы-то откуда знаете? Нас, может быть, тысячи. – Тут она позволила себе улыбнуться. – Вообще-то, Порт-Стивенс славится женщинами-капитанами. – Это уже было близко к попытке пошутить. – Хорошо. Один вопрос: почему вы выложили столько денег за прогулку в море?

«Потому что только так я мог добиться того, чтобы ты взяла меня с собой». Но я не сказал это вслух, просто решил сменить тактику.

– А вы бы взяли меня за меньшую сумму?

Лиза улыбнулась:

– Конечно.

И после этого что-то изменилось. Лиза Маккалин расслабилась. Холодная, сдержанная атмосфера, которая окружала нас в начале прогулки, исчезла.

Я сидел на деревянной лавке за спиной Лизы и смотрел то на море, то на нее. Мне всегда доставляло удовольствие наблюдать за человеком, работающим в незнакомой для меня области. Лиза крутила штурвал, сверялась с приборами, переговаривалась по радио с другими лодками, временами баловала Милли печеньем. Иногда она показывала на полоску суши или на какое-нибудь существо, которое вызывало у нее интерес, и давала мне краткие пояснения. Но сейчас я не скажу вам точно, о чем она рассказывала. Дело в том, что, хоть Лиза и не была самой красивой женщиной из всех, кого я встречал в своей жизни, и, кажется, не особенно заботилась о своей внешности, к тому же большую часть времени она не смотрела на меня, а когда смотрела, чаще хмурилась, я все равно нашел ее очень привлекательной. Если бы я вовремя не понял, что Лиза очень болезненно реагирует, когда ее разглядывают, я бы только на нее и смотрел. А это совсем на меня не похоже.

Несса скажет вам, что я плохой психолог. Меня не очень заботит, что движет людьми, если это знание не нужно мне для дела, но я еще не встречал никого, кто был бы настолько замкнут в себе. Все наши разговоры ей стоили заметных усилий. Казалось, что ответы о себе особенно для нее мучительны. Когда я спросил, какой кофе она предпочитает, она нахмурилась, будто я задал вопрос о ее нижнем белье. А когда она ответила: «Без сахара», это прозвучало как признание в грехе на исповеди. И в ее интонациях постоянно присутствовала нотка... печали?

– Ланс говорит, примерно в трех милях отсюда заметили самку кита, – сказала Лиза после того, как мы пробыли в море около получаса. – Вы хотите пойти туда?

– Конечно.

На самом деле я успел забыть, что мы должны искать китов.

Если раньше не бывал в океане, первое, что тебя поражает, – это неправдоподобный простор. Океан словно бы есть пейзаж. Когда уходишь от берега на такое расстояние, что три четверти видимой территории составляют бесконечные водные пространства, просто теряешься. Не могу похвастать тем, что был абсолютно спокоен, – я все-таки привык к твердой почве под ногами. Но как только я приновился к качке, к ударам волн и скрежету, я начал получать удовольствие от того, что на лодке, кроме меня, нет пассажиров. Мне

нравилось, что Лиза перестала вести себя настороженно и наслаждалась морской стихией.

– Вон туда мы идем, – сказала она, поворачивая одной рукой штурвал, а второй прикрывая глаза от солнца.

Я смог разглядеть только птиц, которые пикировали в воду, больше ничего.

– Это значит – там рыба. А где рыба, там часто и киты.

К этому моменту в зоне видимости появились другие лодки. Лиза показала мне лодку Грэга, она была примерно такого же размера, как наша, но совсем не похожа на ту, которую Лиза описала как «Моби II».

– Вон там! Выдох!

– Какой выдох? – не понял я, и Лиза рассмеялась.

– Смотрите!

Я ничего не видел и прищурился. Возможно, бессознательно Лиза взяла меня за руку и притянула к себе.

– Вон там! – Она указала куда-то моей рукой. – Мы подойдем чуть-чуть ближе.

Я по-прежнему не мог ничего разглядеть. Это могло бы меня расстроить, но все компенсировало выражение детской радости на ее лице. Такой Лизу Маккалин я ни разу не видел за все шесть дней проживания в отеле: широкая, открытая улыбка и возбужденный радостный голос.

– О, она просто красавица. Могу поспорить, там с ней и детеныш. Я чувствую...

[Купить полную версию книги](#)

notes

Сильвер-Бей (англ. Silver Bay) – Серебристая бухта.

Бутылконосы – род зубатых китов семейства клюворылых.

Динги – маленькая шлюпка, тузик, длиной около трех метров и вместительностью один-два человека.

Ван Кат (англ. one cut) – зазубрина.

Пайпер (англ. *pipe*) – дудочник.

Баттернайф (англ. butter knife) – нож для масла.

Бролли (англ. broly) – зонтик.

Парк Какаду – Национальный парк Какаду, Австралия.

XXX – поцелуй в конце эсэмэски.

Экин-мэн – английские игрушки для детей.

ПАДИ – Профессиональная ассоциация дайвинг-инструкторов.

Специализированный рынок – сегмент рынка, где представлен товар, отличающийся по своим характеристикам от товара, предлагаемого на массовом рынке.

Хула – гавайский танец.

Хэнг тэн – катание на серфе, когда с носа доски свешиваются пальцы обеих ног.

Генри Киссинджер – американский дипломат, государственный секретарь США (1973–1977), лауреат Нобелевской премии мира.

Алан Гринспен – американский экономист, председатель Совета управляющих Федеральной резервной системой США (1987–2006).

Паундер (англ. rounder) – круто ломающаяся волна.

Стокед (англ. stoked) – обалдевший (в позитивном смысле). Самое часто употребляемое слово в лексиконе любого серфера.

Гнарли (англ. gnarly) – волны, опасные для занятий серфингом.

Кранчер (англ. cruncher) – сложная, полностью закрывающая волна, на такой практически невозможно кататься.

«Тухес» – сорт австралийского пива.

«Бладстоун» – марка прочной, долговечной обуви в деревенском стиле.

Оззи (англ. Aussies) – так сами себя называют в неформальных разговорах австралийцы.

Норфолк и Моретон – острова в Тихом океане.

Ботритис – плесневый гриб, возбудитель серой гнили многих растений, используется в виноделии.

Милдью – ложная мучнистая роса.

Джакеро (англ. jackeroo) – новичок-колонист.